



ЛУЧ

№5 + 2006

Фромальгауша

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

Луч Фомальгаута

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

№5 2006

Журнал создается силами людей с ограниченными возможностями здоровья в рамках проекта ЦСА «Одухотворение» (г.Москва) при финансовой поддержке Комитета общественных связей Правительства Москвы

ИЗДАТЕЛЬ

АНО «Центр социокультурной анимации «Одухотворение»»
(Москва, ул. Саянская, д. 6(б), ГСКЦ «Надежда»)

РЕДАКЦИЯ

Ирина Позднякова:
главный редактор

Александр Ильин:
комп. вёрстка, дизайн

Леонид Тарасов:
консультант

Владимир Опока:
отв. секретарь

РИСУНКИ В НОМЕРЕ

Ирина Позднякова, (г.Рязань)
стр. 17, 32, 34, 38, 47, 65

Ольга Петрова,
(г.Москва): стр. 24, 27

Елена Симонова,
(Пензенская обл.): стр. 62, 64

Анастасия Косова,
(г.Ижевск): стр. 37, 42

Рисунок на обложке:
Виктор Ильин (г.Чебоксары)

АДРЕСА ДЛЯ ПИСЕМ

390026, Рязань, ул. 4-я линия, д. 1,
Территориальная организация
№3 РОО ВОИ.

E-mail: fomalhaut77@mail.ru
http://fomalhaut.dig.coolguyz.org

Фомальгаут — звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звезд неба! Увидеть ее во всем блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет он нас ее истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, и просто — о любом человеке, не нужно совершать далекого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу — и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.

© «Луч Фомальгаута», 2006

Выражаем глубокую и искреннюю благодарность Комитету общественных связей правительства Москвы ГУК ГСКЦ «Надежда» (г.Москва), МУК «Дворец молодежи» (г.Рязань), Территориальной организации №3 РОО ВОИ (г.Рязань)

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!



Выходит в свет пятый номер нашего журнала. Мы отмечаем небольшой юбилей — первый, но, надеемся, не последний..

Мы стараемся делать все возможное для того, чтобы журнал был интересен, чтобы он находил путь к новым людям. В этом году мы попробовали начать более широкую рассылку журнала по России. Предыдущий номер разлетелся во все ее концы. Мы рады откликам и письмам, заполненным анкетами. Надеемся, что будем получать ваши отзывы и дальше. Поверьте, для нас это не пустая формальность. С вашей помощью мы надеемся найти не только новых авторов и читателей. Мы надеемся, что общение через журнал поможет нам просто быть вместе — в радостях и трудностях, в горе и счастье...

На страницах журнала вы снова встретитесь с произведениями талантливых авторов — стихами, прозой, рисунками. Они расскажут о жизни и проблемах людей с ограниченными возможностями — но не только. Мы никогда не стремились ограничиваться рамками какой-то определенной тематики. Мы надеемся, что наш журнал интересен широкому кругу людей. К тому же, интересы самих инвалидов далеко не ограничиваются их проблемами. Любой человек способен любить и ненавидеть, грустить и радоваться, задумываться над загадками мироздания и проникать в тайны человеческой души... И неважно, здоров ли он физически...

Журнал продолжает свой путь. Он развивается, находит новых авторов и читателей. К нам уже приходят письма из стран СНГ...

Всего же за время работы Центра «Одухотворение» выпущено более 15 изданий. Спектр их тематики довольно обширен. Это методические пособия, сборники статей, посвященные проблемам инвалидов, коллективные и авторские сборники стихов и прозы. С 2005 г. начат выпуск серии авторских книг поэтов-инвалидов «Шаг навстречу».

И конечно же, журнал «Луч Фомальгаута», очередной номер которого вы держите сейчас в руках.

Надеемся, что мы и дальше будем идти вместе...

Ирина Позднякова

В юности человек часто сталкивается с закрытостью, равнодушием и высокомерием окружающих, его могут считать некрасивым или глупым, да и он сам вслед за ними начинает считать себя таковым. И мало у кого возникает мысль о том, каким же на самом деле является этот человек, каким он может быть? До этого никому нет дела... И человеку как личности приходится «рождаться» самостоятельно, причем рождаться не в одно мгновение, а в течение многих лет и десятилетий... Потом он все-таки достигает в жизни каких-то вершин — и сам начинает оценивать других людей, называя одних некрасивыми, других неталантливыми, третьих недостойными своего внимания..

Что же это такое — равнодушие и высокомерие? Откуда оно берется, и как самому не стать таким? Об этом — наш очередной живой разговор.



БЫТЬ РАВНОДУШНЫМ — НЕКРАСИВО...

ЛЕНА

Неповзрослевший человек с трудом старается найти место в этой жизни. Свой личный способ выживания. У молодых много энергии и желания узнавать что-то новое, интересное. Приобретенные знания каждый пытается применить в определенном, выбранном направлении. Кто-то делает попытки изменить этот мир в лучшую сторону, хотя бы на самую малость. Но при этом часто вырастает стена непонимания и окружает со всех сторон. Пройдя через разочарования, разного рода срывы и переломы в сознании, отрицательно влияющие на отношение ко всему окружающему, человек приходит к выводу, что легче и удобнее быть равнодушным, невыделяющимся. Именно незаметных людей общество ценит и награждает. НЕ ВЫСОВЫВАЙСЯ! По этому негласному,

неписаному закону уже много десятилетий живет наше государство. Конечно, в какой-то степени это влияет на общее сознание людей.

Как же остаться живым, чувствующим человеком в этом сером обществе? Может, попытаться ответить на вопрос именно сейчас, в данный момент? Что для тебя важно? Что нужно для достижения поставленной цели? Если требуются какие-то жертвы, нужно подумать, как они повлияют на эмоциональное состояние в будущем. Я думаю, не так много нужно для того, чтобы самому стать равнодушным и высокомерным. Естественно, приятно думать, что ты чем-то лучше других. Например, образованнее, эрудированнее, быстрее других принимаешь правильные решения в сложных ситуациях. Подобные «приятные» мысли

о себе могут сыграть плохую шутку. Легко привыкнуть к завышенной самооценке — и тогда такая черта, как высокомерие, начнет ярко проявляться в характере. Наверное, каждому человеку иногда нужно задумываться о своем отношении к окружающим.

Мое личное отношение к высокомерию сильно отрицательное, я не понимаю и не принимаю подобного отношения и поведения.

ИРИНА

Да, непонимание и высокомерие знакомы каждому из нас. Когда я сейчас задумалась над этой темой, мне стало как-то жутковато от недоумения: а правда, как может человек, прошедший через все это, доказавший свое право быть самим собой, отвоевавший его потом и кровью — сам так относиться к другим? И еще жутко мне стало потому, что иногда росточки такого высокомерия пробиваются (я это чувствую) и в моей душе...

Как бороться с этим? А бороться, по-моему, надо — именно потому, что я слишком хорошо знаю на своем опыте, что такое непонимание.

Мне труднее, чем обычному молодому человеку, ведь многим бросаются в глаза только симптомы моей болезни, и до сих пор еще приходится доказывать, что моя личность не ограничена этими симптомами и никак не зависит от них... И, видимо, придется доказывать всю жизнь — всегда найдутся люди, которые не поймут.

Но главное, наверно, — не переусердствовать... Можно настолько привыкнуть к «борьбе за существование», что, в конце концов, не устоять перед соблазном действовать «строго по Дарвину». А это приведет к одному из трех вариантов. Если ты силен — ты начнешь подавлять людей. Возможно, они будут уважать тебя, но вместе с тем — опасаться. А если ты все-таки слаб — тогда твои попытки будут иметь лишь незначительный

успех, а часто оставаться бесплодными... Возможно, что ты сделаешь видимость силы из своей слабости — такое тоже может быть. Тебя тоже будут опасаться — но уже как никчемного склочника и скандалиста...

Поэтому, мне кажется, нужно соблюдать несколько несложных правил:

Если тебе нужно завоевать уважение в кругу друзей или коллег — добивайся этого реальными делами, которые тебе доступны, даже если ты считаешь, что способен на гораздо большее. Если тебе это действительно по силам — оно придет в свое время.

Если тебе нужно доказать свою правоту чиновнику, или (в моем случае) пробить стену чисто физического непонимания плохой речи — спросить дорогу, например, или товар у продавца — делай это всеми доступными способами, если справка, товар или адрес необходимы тебе.

Но если ты, одержав во всех этих случаях победы, почувствуешь, что тебе нравится бороться — берегись. Отсюда — прямая дорога к «естественному отбору» со всеми возможными последствиями.

Не гордись своими успехами. Помни, что за пределами круга (большого или малого) того, что ты достиг, есть еще огромное пространство — то, чего ты еще не достиг...

Не воспринимай свои успехи, как должное. Думай о том, что кто-то еще достойней их, чем ты...

Я думаю, что именно так надо проходить свой путь, чтобы не ввергнуть себя в высокомерие...

САША

«Быть знаменитым некрасиво» — писал Б.Пастернак. А быть высокомерным — тем более... Увы, мы не всегда понимаем и чувствуем это. Мы все в какой-то мере склонны к равнодушию и высокомерию, ведь в каждом из нас есть некая внутренняя потребность чувствовать себя



в чем-то лучше других, да и «своя рубашка» нам всегда ближе к телу. И если возникают определенные условия в жизни (мы научились чему-то, обрели что-то значимое, стали где-то известными и уважаемыми), то эта наша внутренняя потребность в самоутверждении, наше «эго» может легко сработать и поднять нас на некую «колокольню», с высоты которой мы и начинаем (даже сами не всегда осознавая этого!) смотреть на тех, кто не умеет или не имеет того, что умеем и имеем мы...

Как же с этим быть, как уберечься от этого? Мне кажется, что равнодушие и высокомерие — это следствие некой внутренней незрелости человека. Поэтому от этого есть только одно средство: внутреннее духовное и нравственное развитие...

На самом деле, у нас не может быть абсолютно никаких оснований смотреть на других свысока. Просто мы часто путаем такие понятия, как профессиональные качества и человеческие качества. Кто-то может быть, допустим, хорошим программистом, — но это ведь еще не значит, что он хороший человек? Кто-то может быть плохим поэтом, — но это не значит, что он плохой человек? Все же просто! Мы можем оценивать какие-то вещи и произведения, можем быть мастерами в каких-то областях. Но мы никогда не сможем до конца правильно оценить другого человека, его душу, его внутренний мир, — ведь мы этого просто не видим! А раз так, то как же мы можем считать себя лучше того, кого мы до конца не знаем и не можем правильно оценить? Мы можем быть хорошими поэтами, музыкантами, математиками, экономистами, но какими бы способностями мы не обладали и чего бы не достигли, как ЛЮДИ мы все равны. Ибо все человеческие достижения не могут быть выше и ценнее самого человека!

Но этого мало понимать. Это должно быть в душе. Должно быть некое внутреннее чувство, которое не давало бы человеку быть высокомерным и равнодушным. Что это за чувство? Наверное,

это — совесть. Это — скромность. Это — способность к сопереживанию и состраданию. И главное, это — чувство уважения и любви к людям...

ИННА

На мой взгляд, равнодушие и высокомерие в той или иной степени живет в каждом из нас. И не от того, что мы такие уж плохие, вовсе нет! Просто у любого человека, столкнувшегося в жизни с высокомерием и равнодушием, внутри срывает что-то вроде защитной реакции: на подобное отвечать подобным, чтобы больше не ранили, не раздавили этим самым высокомерием. Но, к сожалению, мы порой слишком поздно осознаем, какую «медвежью услугу» нам оказывает эта «защитная реакция».

Я впервые открыто столкнулась с откровенным равнодушием и высокомерием на фестивалях художественного творчества инвалидов. Мне было очень странно и неприятно видеть, как одни инвалиды считают себя вправе унижать других — только потому, что они, якобы, образованнее, умнее и талантливее. На самом деле, по-настоящему образованный человек никогда не станет этим кичиться. И я начала «прятаться» от подобных людей за стеной равнодушия. Но вскоре поняла, что сама не могу и не хочу быть равнодушной — это убивает во мне человека...

Мне порой кажется, что мы потеряли веру во все хорошее и доброе на Земле. Все реже и реже обращаемся к Богу, считая себя сильными и прячась за маской высокомерия и равнодушия. Хотя, на самом деле, в этом и есть наша слабость... Возможно, я неисправимый романтик, и мои слова покажутся кому-то по детски наивными, но только доброта, сострадание друг к другу и старание понять и принять друг друга такими, какие мы есть, помогут всем нам, со временем, разрушить стену равнодушия и высокомерия. Так хочется в это верить!



ИЗ ПОЧТЫ ЖУРНАЛА



Здравствуй, уважаемые создатели «Луча Фомальгаута»!

Спасибо за ваш журнал! Я только пыталась разузнать, где он выходит и как с вами можно связаться, — как вдруг, к своей неожиданности и счастью, получила такой сюрприз! Я счастлива, что луч этой звезды разыскал меня сам.

Удивительное издание! Свежее по мысли, содержанию, оформлению, зовущее к творчеству, познанию себя. Читается на одном дыхании. А какие восхитительные рисунки, спасибо художнику, сопровождающему текст. Я просто восхищена светом вашей звезды!

Я раньше была знакома с журналом «Поле надежды» и желаю всяческих успехов Александру Ильину и Андрею Казаку. Такие журналы действительно дают нам надежды, согревают душу.

Мне хотелось бы иногда показывать вам свои работы: я немного рисую, равнодушна к литературному слову. (К письму приложено одно стихотворение — И.) Издания для инвалидов помогают нам сблизиться, несмотря на расстояние, получить необходимое общение.

У себя в городе и крае я пытаюсь создать газету для инвалидов «Излучение». Очень много планов, задумок, и есть уже первые шаги и внимание к

нашим делам со стороны социальных служб. Очень важно, чтобы все это было нужно и интересно нашим читателям.

Удачи вам, стабильности, творческого роста, мира в душе и вокруг вас!

Людмила Бесова, г. Красноярск



Получила журнал и сборник. Большое спасибо! Нет слов. Нравится! Очень понравилось «Нераскрывшиеся цветы» Андрея Казака — своеобразное размышление над нашими невольными поступками и подсознательной боязнью пустить в свою жизнь другого человека. А может, это и не страх, а просто неосознанное чувство ответственности? Помните, как в «Маленьком принце» Экзюпери: мы в ответе за тех, кого приручили... Созаем, что с нами всем очень сложно, и невольно хотим иного для своих близких и дорогих (любимых, зачастую втайне) людей. Хотя, одному Богу известно, что будет лучше... Вообще, ни один материал, ни одна публикация не оставляет равнодушным и трогает до глубины души.

*Людмила Андреева,
г. Шушерля, Чувашия*



А светлячка мы все-таки поймал!

В высших слоях общества культура проведения досуга выработывалась столетиями. Многие дворяне и чиновники серьезно занимались искусством, наукой, ведением хозяйства или, на худой конец, самым распространенным спортом минувших веков – охотой. Но только к началу XX века вследствие быстрого развития механизации производства свободное время стало появляться и у трудящихся. А с ним – и проблема: как провести досуг?

Вместе с новыми потребителями возникла и индустрия массовых развлечений. Кино, дансинги, бульварная литература, общедоступные театры, граммофоны делали досуг более разнообразным и интересным. Позднее к ним присоединилось радио, еще чуть позже – телевидение и магнитофоны, а уже в наши дни – компьютерные игры и интернет. Выбор огромен и, казалось бы, каждый может без труда найти занятие по вкусу.

Но все большему числу людей и это богатство кажется недостаточным. Привычка к быстрому и легкому получению удовольствия заставляет их искать все

новые и новые способы времяпровождения. Для индустрии развлечений это – несомненный плюс. Впрочем, не только для нее. Политики и социологи быстро заметили, что люди, ориентированные на получение удовольствия, легко поддаются внушению, и потому их мнением очень просто управлять. В эпоху всеобщего избирательного права такие качества масс кое-кому очень даже к стати.

Впрочем, превращение народа в «массы» устраивало далеко не всех. Еще в 1901 году во Франции зародилось движение «социокультурной анимации». Вот как определяет это понятие директор одного из исследовательских центров

Национального института Народного воспитания Р.Лабури: «Это деятельность, которую осуществляют объединяющиеся личности, самостоятельно определяющие ее содержание и целенаправленную социальную, культурную, воспитательную деятельность за пределами рабочего времени. Главным образом это область добровольных ассоциаций и полублагодетельных учреждений. Именно здесь родилось понятие «социокультурная анимация», семантика которого выражает стремление сделать культуру доступнее, связав ее с явлениями жизни коллектива, раздвинув границы культурной жизни до проблем жизни повседневной». На Западе это движение быстро превратилось в густую сеть самых разных объединений граждан «по интересам».

А у нас до недавнего времени о социокультурной анимации мало кто слышал. В Советском Союзе проблему досуга решали несколько иначе, создавая многочисленные Дома культуры. Ключевым отличием этой модели от западной было государственное регулирование деятельности «очагов культуры», которое определяло всё – от направлений работы и числа секций до репертуара народного хора.

Одной из первых «ласточек» социокультурной анимации в России стал созданный в Москве в начале 2002 года центр «Одухотворение». Я беседую с его директором – молодым энергичным человеком, кандидатом педагогических наук Леонидом Тарасовым.

– Давайте начнем с начала...

– Я познакомился с принципами социокультурной анимации в 1996 году. Это почти «мистическая» история. Впервые о социокультурной анимации я услышал на одной из первых лекций в Рязанском институте культуры, куда я поступил учиться. Была обычная лекция, но в какой-то момент лектор отступил от темы и сказал пару слов о социокультурной анимации. Само сочетание слов поразило меня, как удар молнии. Я понял, что наконец-то

встретил свою судьбу, и посвящу этому делу всю свою жизнь... А три года спустя мой друг Владимир Опока предложил мне поработать в обществе инвалидов Железнодорожного района Рязани.

– В качестве кого?

– В качестве педагога. Я занимался с молодыми инвалидами различными вещами. Тогда я состоял в ассоциации танцевально-двигательных терапевтов, интересовался аутентичным движением. (Есть такая современная форма психотерапии через танцевальную импровизацию.) Кроме того, вел кружок общения.

В 2000 году я переехал в Москву, некоторое время работал в клубе «Контакты-1» с детьми, имеющими задержку психического развития, был добровольцем в других организациях. Там занимались обычные дети из вспомогательных школ.

– Ну, положим, это – не совсем обычные дети...

– Да, конечно. Но я воспринимал их, как и всех детей вообще, как очень хороших обычных ребят. Я всех людей воспринимаю как нормальных, поэтому меня корябает, когда начинают выспрашивать про диагнозы. Я воспринимаю человека по-другому и счастлив, что у меня – не медицинское образование.

– То есть в работе вы ищете контакт с человеком именно как с личностью?

– Да. В связи с этим на защите моей диссертации произошел любопытный случай. Тема звучала так: «Формирование жизненной устойчивости инвалидов в процессе социокультурной анимации в учреждении культуры». Один профессор спросил меня: «Как вы дифференцируете инвалидов?» и был удивлен, что этот вопрос поставил меня в тупик. Тогда я впервые задумался: а правда, как? Написал диссертацию – и не думал об этом. (Смеется.) Я в итоге так и сказал: «Не дифференцирую». Профессора пожали плечами, восприняли, как чудачество.

А потом я поговорил с людьми, которые тоже работают с инвалидами и чьи методы работы мне близки. Оказалось, что и они не делят людей по диагнозам...

Конечно, в медицине дифференциация необходима, но с точки зрения культуры – все равны. Например, у меня занимается танцами Володя с синдромом Дауна. С ним очень тяжело работать, у него не получается почти ничего. И вместе с этим парень буквально излучает доброту. Обычно, как только я вхожу, он приветствует меня возгласом: «О, наш дорогой Леонид Викторович пришел!»... Сейчас Володи нет, он готовится к операции по поводу грыжи, – и мне его не хватает.

– Вы помогаете людям раскрываться, не задумываясь о результате, грубо говоря, «куда кривая вывезет»?

– Нет, это не совсем так. Я четко понимаю свои цели и задачи, определяю цели и задачи для каждого. Другое дело – атмосфера любви, уважения и приятия, которую я стараюсь поддерживать в группе. Это – отдельная огромная задача. Ведь хороший педагог никогда не работает «в лоб», он всегда действует косвенно, исходя из ситуации. Я создаю ситуацию, благоприятную для развития. Если я вижу, что на каком-то этапе

человек может совершенствоваться быстрее, то обязательно подтолкну его. Конечно, можно работать строго индивидуально, но это далеко не всегда эффективно. Я, например, индивидуальные консультации не очень люблю. Предпочитаю создавать особую среду, в которую человек может свободно войти и абсолютно свободно в ней двигаться. Я могу лично воздействовать на каждого, но главную работу выполняет созданная среда.

– Это очень важно.

– Каждый человек развивается сам, он ориентирован на саморазвитие, а не на выполнение инструкций извне. Если человек не хочет заниматься, он может уйти и вернуться, когда снова почувствует тягу к занятиям. Это – не «кривая», а сложное взаимодействие технологий, с помощью которых достигаются конкретные цели. В этом – одна из ключевых особенностей социокультурной анимации.

А вообще-то «куда кривая вывезет» – очень хорошая, чисто русская поговорка.



Мы получаем здесь огромный заряд энергии, общения и хорошего настроения!

Я уверен, что у нас, в России, западная рациональность неэффективна. У нас другой менталитет: выйти в широкое поле – и идти, куда глаза глядят. И как правило, приходишь туда, куда надо. Потому что есть над Россией Господний промысел. И здесь, работая с ребятами, я понимаю, что действую не от себя, что есть тот самый промысел, который привел и меня, и их, и каждый здесь занимает свое место. Главное – совершить то, что задумано не нами.

– Или, по крайней мере, не мешать этому свершиться.

– Мы – просто помощники, об этом надо помнить...

– Какие направления работы с инвалидами развиваются в «Одухотворении»?

– Вообще-то, Центр социокультурной анимации «Одухотворение» зарегистрирован не как инвалидная организация. Это – некоммерческая организация, работающая со всеми категориями населения. И именно сейчас я подхожу к выполнению своего изначального замысла. Я работаю со студентами в Российском государственном социальном университете на кафедре ювенологии и молодежной политики, содействую одухотворению молодежи, и эта деятельность вполне соответствует целям организации. Я начал работать с инвалидами, во-первых, потому, что хорошо знал эту проблематику. Володя Опока, о котором я упоминал, – человек с очень тяжелым заболеванием. Мы знакомы уже 15 лет, и мне очень хотелось ему помочь. Но проблема отчуждения инвалидов от активной жизни оказалась настолько глубокой и всеобъемлющей, что до сих пор мне не удалось создать прочной системы помощи этим людям. Сложность заключается еще и в том, что анимация – не только особая технология, практически неизвестная в России, но и особое мировоззрение. Никто не готовит специалистов в этой сфере. Поэтому даже многие мои помощники не могут работать так, как необходимо, они не владеют методологией, технологией и методиками. Я не

могу привлечь к работе просто психолога, просто педагога. Поэтому направление работы Центра во многом определяется моими пристрастиями. Это – бальный танец, это атмосфера интеллигентности во время клубного общения, это кружок по технологии глубинного общения, который мы проводим в Рязани на квартире у Ирины Поздняковой...

– А кружок общения, который ведет Светлана Иванова в ДК «Надежда»?

– Света занималась в моем кружке, и по моей инициативе начала работать с ребятами. Она работает очень хорошо, но у нее несколько иной подход. Для меня неотъемлемой частью педагогики является развитие личности, пусть даже самое минимальное, для Светы – это создание атмосферы приятия в кружке, а развивающие задачи на втором плане. Поэтому наши позиции, как мне кажется, сходятся не во всем. Однако, иницилируя что-то, я иногда уже не могу управлять им, так как оно начинает жить самостоятельной жизнью и заставляет меня самого считаться с ним.

– Насколько я понимаю, работа аниматора очень сложна. Надо иметь особые данные, предпосылки для того, чтобы этим заниматься.

– «Аниматор», в широком плане, – это человек, который реализует свое предназначение, который профессионально занимается тем, что ему интересно.

– И вокруг него собираются те, кому это тоже интересно?

– Верно. Но плюс ко всему, на Западе анимация основана не на государственной, а на общественной инициативе. Правда, подобные идеи педагоги высказывали и в России еще до революции.

Но вернемся на землю. У нас есть кружок ИЗО Марии Загорской. Она – художник-профессионал, поэт, и кроме того, обладает очень большим потенциалом как аниматор. Ее энергия самореализации, доступность и простота в общении привлекает людей, помогает им раскрыться. Но и Маше, и Свете Ивановой, и мне еще надо много учиться. Вообще

педагог, который перестает учиться сам, перестает быть педагогом. В этой области у нас сейчас, к сожалению, застой. Мне нужно заниматься обучением их анимационной работе, помогать им повышать требования к себе, а времени и сил не хватает.

– Чем старше человек, тем меньше возможностей для свободного развития.

– Может быть. Но знаете, я все равно доволен тем, что происходит. До расцвета нашей системы нужно еще очень многое. Мы только-только заложили в ее основу маленький камешек.

– А может быть, лучше – «посадили растение»?

– Ну да, поливаем, ухаживаем...

– А что вырастет – неизвестно.

– Вот это не так! Я точно знаю, что должно вырасти. Поэтому буду растить то, что посадил. Действительно, наша система развивается по законам живой жизни, и я посадил ее на столетия. Поэтому четыре года для нас – не срок, младенчество. И тем не менее, я уверен, что наш росток жизнеспособен. Лишний раз в этом убедился, когда заболел, лег на операцию. Меня не было – а танцы были, Света с Машей занимались с ребятами, в Рязани готовила книги к изданию Ира Позднякова... Да ее и нельзя остановить, потому что в основе нашей системы – самореализация. Люди занимаются этим, потому что им это внутренне необходимо, в этом – смысл их жизни.

– Где вы берете деньги? Ведь без них практически ничего не будет.

– Очень хороший вопрос. Первый наш источник – гранты. За 4 года мы получили 5 грантов.

– Насколько я знаю, это – не такие уж большие средства...

– Тем не менее, туда закладывается и зарплата ребят, выполняющих определенную работу. Второй наш источник – тесное сотрудничество с Городским социокультурным центром «Надежда» (раньше он назывался «Дом культуры для инвалидов»). Те же Света Иванова,

Маша Загорская, Маша Майорова, занимающаяся клубом знакомств, сейчас официально работают в «Надежде».

– А аренда зала для занятий танцами?

– По договору с ГСКЦ «Надежда», мы пользуемся залом бесплатно. Я благодарен его директору Людмиле Борисовне Медведевой за то, что она в 2002 году поддержала мою программу. Здесь рады всем нашим инициативам, несмотря на очень напряженный график работы. Например, сейчас мы запускаем новый проект по созданию театра. Вести его будет мой друг, кандидат педагогических наук Илья Михайлович Слободчиков. Ведь в «Надежде» есть хороший актовый зал со сценой.

– А спортзал, где вы занимаетесь танцами, больше похож на танцкласс.

– Это и есть самый настоящий паркетный зал. Когда здесь делали ремонт, настелили такой пол, какой нужен именно для танцев. Вот уж действительно: строители не ведали, что творили... Плюс к этому, нам сейчас выделяют отдельную комнату. У меня мечта сделать там гостиную в классическом стиле – с книгами, красивым сервизом, овальным столом. Деньги на это пойдут из бюджета «Надежды». Так что я везде пишу, что эта программа – наша совместная. Без гостеприимства этого центра моя энергия и идеи вряд ли могли бы воплотиться в таком объеме.

– Складывается впечатление, что вы – редкий везунчик. Неужели у вас нет проблем?

– Проблемы есть, и прежде всего они связаны с невольной узостью нашего круга. Мы сейчас ищем людей, близких нам по духу. На днях поедем с выступлением в Гуманитарный институт-интернат. Я настраиваю ребят на то, чтобы они сами активнее продвигали информацию о нашей работе, устанавливали контакты с людьми и организациями... Сейчас у нас занимаются танцами два молодых человека, Миша и Дима, которые сопровождают меня буквально

повсюду. Они просто устали сидеть дома. Оба внешне – абсолютно нормальные ребята... В «Одухотворении» они почувствовали себя нужными. А до этого тыкались повсюду, и повсюду их отталкивала формалистика, отношение к инвалидам как к объекту заботы. Довольно циничное, если вдуматься...

И, честно говоря, я не совсем понимаю, откуда такая инертность у инвалидов, если многим из них остро не хватает общения. В 2003-2004 гг. в рамках проекта «Самореализация и трудоустройство молодых инвалидов», поддержанного фондом «Юнайтед Уэй Интернешнл», я на полгода создал рабочие места для 20 молодых инвалидов. И с удивлением обнаружил, что абсолютно ясная идея о необходимости объединения и активной деятельности молодых интеллигентов-инвалидов не очень понятна не только государственным чиновникам, но и самим ребятам. Моя идея о движении интеллигенции пока остается моим личным желанием, такой общности еще нет, хотя люди уже есть. Просто без инвалидов-интеллигентов проблемы инвалидов не решить, потому что «сытый голодного не разумеет». В нашем обществе чиновник никогда не сможет проникнуться проблемами нуждающегося человека, ему «своя рубашка всегда ближе к телу». А многие молодые инвалиды вместо объединения в общественно-полезной деятельности идут по протоптанной всеми дорожке в бездуховную жизнь, приобретая психологию дельцов. Только объединив интеллигенцию, привлекая и другие общественные и государственные силы, можно сдвинуть дело с места.

Проблема осложняется еще и тем, что обычная реклама не работает. Значит, надо организовывать работу с людьми по увлечениям, вовлекать их в хорошую, активную жизнь. Возможно, стоит создать движение, ориентированное на пропаганду активного образа жизни, прежде всего – среди молодежи.

– И не только среди инвалидов...

– Конечно. Сейчас я как раз отхожу от чисто инвалидной тематики и перехожу к работе с молодежью вообще. Не скрою: работа с инвалидами частично обусловлена тем, что на нее выделяются хоть какие-то деньги. На молодежь не выделяется ничего. Поэтому мы используем те приоритеты, которые заявлены в стране.

– Да и во всем мире...

– А я и не спорю с тем, что многим молодым инвалидам живется тяжело, что им нужно помогать. Но помощь нужна и обычной молодежи, с ней тоже надо заниматься. Грубо говоря, если у человека ноги больные – это проблема. А если у него душа высохла – так ее ж не видно. Значит, и проблемы нет?

– И потом, он работает, учится – вроде, при деле. А то, что парень после работы ничем занять себя не может – это его личные трудности...

– Вот именно. На самом же деле заниматься надо со всеми. Тогда и работа с инвалидами будет гораздо эффективней. Нынешняя молодежь, особенно московская, живет в очень сером мире. Она не видит и не знает большинства граней жизни – как хороших, так и плохих. Поэтому я считаю, что даже задача механической интеграции молодых инвалидов в сообщество сверстников, не говоря уж о психологической, очень перспективна и важна. Думаю, что со временем я попытаюсь свести это все воедино.

– Наполеоновские планы!

– А планы и должны быть такими. Есть одна хорошая притча. Один старец говорит юноше: «В детстве все хотят достать рукой до Луны. Но когда человек вырастает, ему объясняют, что это невозможно. И как только он признает это, тут же становится обычным человеком. А тот, кто все-таки верит, что можно дотянуться рукой до Луны, в конце концов ловит светляка...» Я думаю, что светлячка мы все-таки поймает.

Беседовала Екатерина ЗОТЮВА

К сожалению, мы часто недопонимаем и не принимаем окружающую нас действительность. Да и видится она нам совершенно иначе. Нам кажется, что лишь физически здоровый человек, без особых проблем реализующий себя в обществе, может с полным правом считать себя счастливым. Но всегда ли это бывает оправданно?..



ВМЕСТЕ

нам многое по плечу

Когда мне позвонили и пригласили на концерт, посвященный дню инвалидов, я отказалась. Уже в который раз. Может, кто и согласился бы, будь под рукой транспорт. Но колясочнику всегда довольно-таки проблематично выбраться из дома, даже по надобности, например, в больницу; а тут просто — развлекательное мероприятие. К тому же, проживая с немолодыми уже родителями, надо думать и о том, по силам ли будет спуститься по ступенькам. Да и что греха таить, мы не привыкли обременять окружающих своим присутствием. Нам проще быть наедине со своими проблемами, в четырех стенах.

Мало найдется смельчаков в нашем небольшом городке, решившихся значительно раздвинуть эти границы. Зачастую живое общение нам заменяет экран телевизора, радио, книги. Мы уже не замечаем неповторимости и удивительности каждого дня, живя лишь надеждой и ожиданием, что завтрашний день принесет нечто новое, что-то изменит. Но сами ничего для этого не делаем...

Еще на заре становления ВОИ, когда только-только зарождалось инвалидное движение, ко мне с вопросом об объединении инвалидов обратились из ГК комсомола, — они предложили всяческую помощь в организации. Я выступила в районной и областной прессе. Что интересно, из нашего города я получила лишь один отзыв, а из Чебоксар — сразу несколько. И там инвалидное движение развернулось полномасштабно, до сей поры работает. А в нашем городе до сих пор — все сидят по своим углам.

Тогда я очень много говорила об этом со своими знакомыми, пыталась убедить их в том, что только сообща мы сможем хоть что-то сделать для себя... но, увы. У меня просто не хватало слов. Я словно натыкалась на глухую стену непонимания. Мне только говорили: «Задумка хорошая. Делай, а я посмотрю, что у тебя получится». Но что может сделать человек в одиночку, да еще и без ног, сидя в четырех стенах?! Для того, чтобы

полноценно работать, нужны единомышленники. Их-то и не было. И идея зачахла на корню.

Правда, где-то через год они наскребли все же несколько человек и что-то пытались делать — посещали инвалидов на дому, оказывали знаки внимания. Но в середине 90-ых годов общество прекратило существование. Председатель, работавший тогда, объяснял свою пассивность тем, что ни копейки за это не получает. А задумывалось общество не только как «средство проведения досуга»! Хотелось получать там также полную правовую и юридическую информацию, информацию о вспомогательных средствах для инвалидов, получении хотя бы чертежей нужных конструкций. Увы. Сытый голодного не разумеет. Когда я окончательно слегла, сколько времени искала подъемник для себя! В беседе меня, наверное, с год кормили обещаниями найти адрес производителя данной техники. Спасибо подруге из Ростова, дала мне адрес, и я через ее знакомую и редакцию «Русского Инвалида» нашла чертеж, по которому мне родственники собрали подъемник для ванной.

Теперь наше городское общество вновь функционирует, но проблема разобщенности инвалидов так и осталась. Председатель в большинстве случаев в одиночку старается хоть что-то сделать, расшевелить людей. Но создается впечатление, что по сути — никому ничего не надо. Сами же инвалиды говорят: «Ну, вступлю я в ваше общество, и что мне это даст?!» Конечно же, это ничего не даст, если мы будем сидеть и ждать у моря погоды. Давно пора бы понять, что мы сами должны стараться, чтобы нас услышали другие. А то создается впечатление, что все мы живем на разных планетах. Здоровые — отдельно, а мы, инвалиды (не люблю этого слова!) — отдельно. Здоровые, вроде, пытаются облегчить нашу жизнь, но при этом часто не имеют даже представления о наших проблемах — и делают все наоборот. А

мы в стороне наблюдаем, — то ли с ухмылочкой и пессимистической иронией, то ли с сочувственным сожалением — что из этих потуг у них получится. А что может получится? Годы проходят, вокруг как будто бы появляется что-то новое. Но до сих пор каждый раз, смотря по TV о мероприятиях для инвалидов, я невольно ловлю себя на мысли, что всякий раз колясочники остаются «за бортом». За бортом жизни...

А может, мы сами виновны в этом — из-за своей пассивности и нерешительности? Кто, как не мы сами, сможем толково и внятно разъяснить и объяснить то, что именно нам нужно? В каком направлении двигаться? Мы настолько свыклись и смирились с подобным положением, что за любыми подвижками в этом деле лишь молча наблюдаем в стороне и в тихую завидуем. А сами? Сами же, отчаявшись изменить свою однообразную жизнь, ничего для этого не предпринимаем. Болезнь сделала нас нерешительными и забытыми. Мы идем на поводу у своей закомплексованности, нам легче и проще плыть по течению, вольно или невольно ограничивая свою жизнь четырьмя стенами...

Но можно ли что-то изменить? Что мы можем сделать, находясь в таком положении? Казалось бы, мы действительно мало что можем, тем более без помощи окружающих, без помощи общества и государства. Но так только кажется, ведь в любом случае, мы можем изменить самих себя! И это нужно, прежде всего нужно нам самим. Ведь в любой безвыходной, казалось бы, ситуации можно найти свои плюсы. Да, природа порой ставит человека в такие ограниченные физические условия, которые мы не можем изменить внешне. Но мы можем всё равно совершенствоваться внутренне, стремясь занять свое место в жизни. Не мудрено идти вперед, имея для этого все возможности. Но когда каждый шаг становится преодолением, то появляется неповторимый вкус к жизни — «Я смог(ла) это сделать!» И уже



растет уверенность в себе и своих силах, и уже начинаешь чувствовать, что даже в таких условиях человек многое может! А это немаловажно для того, кого все считают беспомощным и нуждающимся в опеке. Но на самом деле такому человеку нужна ведь не опека, а дружеская рука, понимание и соучастие. И очень важно, когда окружающие признают это, когда помогают ему в его личностном становлении, и когда он сам стремится к этому. Только в том случае к нему однажды потянутся люди, нуждающиеся в нем так же, как и он в них. Только в этом случае он сможет жить полноценной, насыщенной жизнью. И тут уже можно задуматься, кто кому помогает? Люди в любом случае внутренне взаимообогащаются, принимая участие в судьбах других. Именно в этом человеческом общении, соучастии, открываются новые грани нашей жизни, и только так все мы движемся вперед.

Но к сожалению, настоящее мы часто недопонимаем и не принимаем. Да и видится оно нам совершенно иначе. Нам кажется, что лишь физически здоровый человек, без особых проблем реализующий себя в обществе, может с полным правом считать себя счастливым на все 100%! И в результате — ищем суррогат замещения этому. Всегда ли это бывает оправданно и равноценно? И потом, мы сами зачастую усложняем нашу жизнь, воздвигая непреодолимые преграды. Но когда человек восприимчив к общению и не смотрит на всё только со своей болезненной колокольни, то всё становится гораздо проще! Хочешь быть понятым и принятым другими — не замыкайся в одном лишь себе, на своих проблемах. Сделай шаг навстречу другим людям. Помоги им понять тебя, не отгораживайся от них «бетонной» стеной отчуждения. Ощу-

ти значимость жизни как таковой. Всякое в жизни бывает, но многое всё равно остается в наших руках. Если мы не в силах изменить сложившуюся ситуацию, то можно изменить свое отношение к ней. Пусть мы в чем-то не такие, как все, но это отнюдь не безысходность.

Наверное, нам давно уже пора понять всё это. Понять, что наша жизнь — в наших руках, даже если эти руки слабы и непослушны! Нам давно пора нашу ложную закомплексованность «выбросить в форточку» и жить так, как нам хочется! Почему границей инвалиды живут иначе, чем мы? Может, потому, что они уважают себя и принимают себя таковыми, каковы они есть? А мы относимся к себе так, словно не имеем права жить, как нам хочется, потому что мы — инвалиды. Но ведь от этого мир вокруг нас не рухнул?! Мы так же, как и все другие, — живем, дышим, чувствуем, печалимся и радуемся. Только в одиночку. Не пора ли нам, в конце-то концов, обрести свое «Я» — для того, чтобы объединиться и, по возможности, приспособиться жить достойно, не принижая себя. Мы — такие же люди, как и все! Мы вправе брать от жизни то, что она нам дает! У каждого из нас есть свои интересы и занятия, мы можем быть полезны в чем-то друг другу, общаясь между собой, делясь своим опытом и информацией. Мы не должны терять себя из-за сложившихся жизненных обстоятельств. И мы не должны терять друг друга. Нужно побороть свою пассивность и инертность, нужно сделать шаг навстречу — к себе, к другим, к миру. Сделай шаг, чтобы стать чуточку ближе друг другу, чтобы сообща решать свои проблемы. За нас самих этого никто не сделает, и по одиночке мы не справимся. А вместе нам многое по плечу!

Людмила Андреева, Чувашия



ИЗ ПОЧТЫ ЖУРНАЛА



Замечательный у Вас журнал! Я даже не ожидала, что он такой: качественный, позитивный. Мне очень приятно его читать и держать в руках. Замечательная подборка материала. Одним словом: Молодцы!

*Равиля Морозова,
г. Санкт Петербург.*



Содержательный, красиво оформленный журнал. Очень приятно, что он объединяет молодых людей. Вступать в жизнь, будучи инвалидом — очень тяжело, поэтому помощь друг другу — бесценна.

*Татьяна Сухоева,
Башкирия, с. Мишкино*



Спасибо вам за журнал! Прочитала все, все интересно. Он мне чем-то напомнил «Поле надежды». Наверное, внешним видом. А вот по содержанию он немножко другой. В «Поле надежды» красной линией проходила тема духовности и богатства человеческой души, там был философский уклон. А здесь, в «Луче Фомальгаута», главную тему я бы назвала — «Преодоление». Стремление раздвинуть четыре стены и пойти навстречу людям, навстречу друг другу. И у вас это получается. Без бравады и самолюбования (вот, мол, мы какие!), без фальшивых сантиментов. Получился умный, добрый,

не зацикленный на обидах и проблемах журнал.

Такие издания помогают нам самовыражаться, сделать свою жизнь интересней, насыщенной. Конечно, немногие здоровые читают такие журналы. А скольким инвалидам он будет неинтересен? Но ведь журнал может попасть в чьи-то руки случайно, и попасть именно к тому, кого он заденет, всколыхнет. И если хотя бы один человек станет более терпимо и понимающе относиться к нездоровым людям, если не прольется лишняя слеза от обид, от черствости окружающих, — значит, журнал вышел не зря...

*Елена Горбачева,
Ивановская обл., п. Каменка*



Какой у вас замечательный журнал! В чем-то похожий на «Поле надежды»... Таких журналов я видела не так уж и много. В других изданиях инвапрессы пишут в основном о трудностях в жизни инвалидов, о несправедливости к нашему брату государства. А если что-то хорошее и напишут, то подадут это как какой-то феномен. А вот и «Поле надежды», и «Луч Фомальгаута» рассказывают о жизни инвалидов так, что не мешало бы это почитать всем здоровым. На страница журнала все мы представлены самыми обычными людьми, с такими же, как у всех, радостями, увлечениями, переживаниями, влюбленностями. И вот от такого простого и искреннего рассказа о нас становится так тепло!..

Анастасия Косова, г. Ижевск



Я родилась и выросла в поселке Беково Пензенской области. Здесь же закончила Бековскую среднюю школу 1.

Стихи пишу с раннего детства, и они уже стали неотъемлемой частью моей жизни. Я успела побывать на многих фестивалях творчества инвалидов — в Москве, Сочи, Твери и во многих других городах России.

Отовсюду привозила не только призы и подарки, но и незабываемые впечатления! И это, наверное, главное.



Инна Кочетова

Кроме стихов, увлекаюсь вязанием, чтением книг, разведением комнатных растений. Дома у меня много животных: две кошки, собака, кролики и еще два попугая.. Все они требуют ухода и заботы, и всех их я очень люблю. Я не даю душе скучать!

Несмотря на то, что давно уже выросла, до сих пор верю в чудеса и в то, что хороших людей на Земле намного больше, чем плохих. Мои суждения могут показаться кому-то наивными, но такова уж моя душа. И дай Бог, чтобы она осталась такой, несмотря ни на что...

Я мечтаю организовать в нашем поселке кружок поэзии для детей, чтобы помочь ребятишкам разглядеть красоту стихов, и не только стихов, но и всего того, что называется таким загадочным и таким прекрасным словом — Искусство... Искренне надеюсь, что когда-нибудь это получится...

* * *

В квартире – тишина, на сердце – тоже,
Лишь лунный свет врывается в окно.
И кажется, ничто не потревожит
Души твоей, уснувшей уж давно.

В квартире – тишина. Тихонько дремлют
Усталые настенные часы.
Они твоим мольбам усердно внемлют,
А слёзы, словно капельки росы,

Стекают по щекам и исчезают –
Снежинкою растаявшей в руке.
Чего ж ты плачешь? Всё в судьбе бывает,
Плыви смелей по жизненной реке.

Пускай она бурлит и закипает,
Сама же знаешь, не из робких ты.
Прямее спину! В жизни всё бывает,
Не предавай надежды и мечты.

Не оставляй желаний и попыток,
Взгляни на птиц, летящих гордо ввысь!
Никто не застрахован от ошибок,
Упрямей к цели, день за днем, стремись!

МОЯ СЕМЬЯ

* * *

Моя семья, Всевышний — это свет,
Который для меня всего дороже.
Нет для меня родней, и лучше нет
Моей семьи любимой, милый Боже!

Прошу Тебя, пожалуйста, храни
Мою семью от бед и от напастей.
От нас от всех поклон земной прими
За то, что вместе мы — и в этом счастье!

* * *

Я гляжу на продрогшую осень
И мечтаю о ласковом лете.
Сердце солнца палящего просит,
А на улице – холод и ветер.

Дождь рисует немые картины,
На оконном стекле, позолотой,
Осень смотрит в глаза сиротливо,
Как ребенок, просящий заботы.

Я скажу ей: «Прощай, дорогая!
Уходи, ни о чём не жалея,
Ведь пора наступает другая –
Молчаливее и холоднее...»

Улетай за бескрайние дали,
Где в туманах купается ветер.
И мелодию светлой печали
Чьё – то сердце играет на флейте».

* * *

Луна гуляет рыжей кошкой
По черной скатерти небес.
Звезда упала жгучей крошкой
В дремучий темно-синий лес.

Земля уснула сном глубоким.
А завтра алая заря
Поднимется к горам высоким,
Чтоб утру радовалась я!

Кружевами укрою сердце
И исчезну в безликом небе.
Кружевами укрою сердце,
Спрячусь в розовых облаках.
Мне б войти в потайную дверцу,
Мне б войти в потайную дверцу,
Чтоб носил меня вешний ветер
На крылатых своих руках.
В небесах расплескались краски —
Март-художник колдует кистью.
В небесах расплескались краски —
Золотая палитра грёз.
Сердце вновь ожидает сказки,
Сердце вновь ожидает сказки...
И волнуется, и мечтает
О волшебной любви — всерьёз...

ЗАБЫТАЯ НЕЖНОСТЬ

Далеко-далеко, за незримой рекой,
Тихо плачет забытая нежность.
Прокричат журавли, нарушая покой,
И душа попадёт в неизбежность...

Солнце! – Ласковый лик, золотая печаль...
Вспоминая забытую нежность,
Спешно спрячешь слезу под густую вуаль
Облаков, что плывут в неизбежность.

А внизу, на земле, расцветает весна,
Разгулялась речная безбрежность.
И в объятиях сна сладко дремлет сосна,
И ей снится – забытая нежность.



Автор этих записок болен гемофилией — редким наследственным заболеванием, несвертываемостью крови. Многие знают о ней лишь то, что ей болеют только мужчины, а также — что гемофилией страдал царевич Алексей, сын Николая Второго. Но «царская болезнь» — удел многих мальчишек из самых обычных семей.

Евгений Соколов закончил педагогический институт, позже получил образование программиста. Но сейчас он — президент Рязанского общества больных гемофилией. Это благодаря его усилиям удается поддерживать поставку лекарств и донорской крови, это он стоял у рязанских истоков «Реки жизни» — акции безвозмездного донорства, которая проходит несколько раз в год...

Записки Евгения Иасоновича — искренний и правдивый

СЧАСТЛИВЫЙ РЕМЕСЛЕННИК

Когда тебе исполняется 580 лет по совокупности всех твоих болей, стрессов, переживаний, приобретений, утрат и событий твоей жизни, и ты начинаешь понимать, что, будучи таким зрелым в одних вопросах, в других ты остаешься малышом в возрасте 5 лет и 8 месяцев. Потому что все, что ты пережил, лишило тебя многого из того, что переживают обычные люди.

И уж в любом случае ты никогда не ощущаешь свои обычные, земные — 58. В обычных, земных понятиях ты от силы даешь себе — 30.

Мне всегда было легче с детьми. Может быть, это оттого, что первый мой рабочий опыт начался со школы. Да собственно, сколько я помню себя, я все время и был в школе. Помню, как сидя в бесконечных, прошедших через всю мою жизнь, больничных очередях, я развлекался тем, что пытался угадать профессии посетителей поликлиники. Учителей узнать всегда очень просто по их живым, что ли, лучащимся ясным светом глазам. Далее, я усложнил опыты, пытаюсь определить

предмет, который ведет учитель. Получалось...

Историка никогда не спутаешь с литератором, а математика с физиком. А двух последних — с двумя первыми. Но у них у всех есть нечто общее, отличающее их от других смертных.

Это я потом, уже много позже, понял, что от постоянного общения с детьми они, учителя, сами навсегда остаются в детстве. В порой жестоком, детском мире все равно всегда чище, чем во взрослом. Поэтому и глаза учителей всегда чище, чем у остальных. Ну, как у идиотов Я всегда говорил несколько грубее: «как у придурков». Помните бравого Швейка?

Учительская работа — это не обыкновенный труд. Это скорее постоянная игра. Игра и маленького ребенка, и актера. Моя старшая дочь, придя однажды ко мне на работу и невольно подслушав мой урок, несколько даже с презрением спросила меня: «Что ты тут делаешь? Тебе же в театр надо...»

Глупенькая, она тогда не понимала (да

и я тоже), что моя профессия — это вечный театр, только много сложнее.

Каждые 45 минут — новый спектакль на новую публику, которой ты должен овладеть, влюбить в себя и в то, о чем ты рассказываешь всего за один акт.

Спектакль, который ты, в отличие от артистов, даешь без репетиций.

Спектакль, в котором ты режиссер и артист, и костюмер.

Спектакль, в котором вместе с тобой обязательно должна играть и твоя публика.

Спектакль, который ты должен сыграть, не обращая внимания на свои болячки и переживания.

Со своей гемофилией, когда не болели ноги, а только руки, даже если нечем было держаться за поручни в троллейбусе, я на своей конечной остановке забивался в конец вагона и доезжал до любимой работы. Сложность была в том, что спектакль в этом случае надо было отрежиссировать и сыграть так, чтобы не возникла надобность что-то писать на доске.

Когда болела только одна рука, пусть даже правая, — было легче: ведь можно выучиться писать на доске и левой.

А это ощущение полной опустошенности, когда ты, счастливый от удачного урока, вваливаешься на нестерпимо болящих ногах в лаборантскую, рушишься на стул и в изнеможении закуриваешь сигарету... И кажется, что никакая сволочь, даже этот проклятый звонок, не сможет тебя поднять с этого желанного сиденья.

Но вот он снова зовет тебя. И ты, с неслышимыми никем, кроме тебя, криками от боли, плетешься к двери из лаборантской в кабинет. Усилием воли, все еще сомневаясь в себе, распаиваешь ее, и...

Все болячки и невзгоды остаются за ней. А ты, легкой пружинистой походкой идешь, улыбаясь, через весь кабинет к доске. Слушаешь доклад дежурного, усаживаешь класс, и звучит твое коронное: «Итак, на прошлом уроке мы остановились...» А дальше звучит твоя лебединая песнь, которая и тебя и твою публику

уводит в поднебесную ввысь твоей любимой физики... И жуткая, звенящая тишина кульминации изложения, когда они боятся дышать, а у тебя у самого мурашки по спине от твоего же рассказа... Когда случайно ворвавшийся твой же коллега, думая, что тишина в кабинете от того, что там никого нет, бормоча что-то невразумительно-извиняющееся, в ужасе пятится назад. И не понимает, как могут эти, только что стоящие на его уроке на ушах, «молодые бизоны» — ПТУшники, ТАК СЛУШАТЬ!!!

А их рукопожатия при встречах после окончания училища и какое-то уважительно-родное «Ты!» с которым они обращаются к тебе?

А ежегодные встречи группой на протяжении 25 лет с обязательным присутствием их классного руководителя и учителя физики. И, не дай Бог, последнему — приболеть. Если не опасно, а просто идти не может, то обязательно найдется кто-то с машиной, чтобы отвезти-привезти, но побыть вместе. А уж если опасно и физик не может придти, потому что валяется в больнице с очередным кровотечением, то всей компанией ввалиться к нему в палату, чтобы все же глянуть друг другу в «фэйс лица». А начиная со следующего утра прибегать, когда позволяет рабочая смена, и сдавать для него свою кровь, становясь ему еще и «кровным» братом...

Это ли не счастье? Это ли не радость? Как писал известный наш педагог и литератор Симон Соловейчик: «Вечная радость человека, навечно вызванного к доске».

И еще он писал, что учитель, поскольку он на протяжении всей своей жизни призван воспитывать в маленьком человеке все самое лучшее, сам становится лучше. Скорее всего, он был прав...

А еще кто-то украл мои слова: «Я счастлив тем, что прожил жизнь в ладу со своим ремеслом».

Это одна из компонент, из-за которой я не устаю утверждать, что я самый счастливый человек...

Евгений Соколов

Хочу, чтобы было ЗАВТРА

Тамара Мурунова



Окно, фонарь, аптека. Совсем как у Блока. Мне иногда даже смешно, потому что не чаяла, не гадала, что тоже когда-нибудь смогу написать так. И не абстрактно — чье-то окно, чей-то фонарь, а применимо к себе. Ибо это мое окно, в которое смотрю (правда, в те редкие часы, когда сажусь на коляску — часто просто невозможно, потому что трудно, потому что сложно, потому что, когда такое здоровье, как у меня, все и всегда трудно, все и всегда сложно).

Фонарь я тоже почти не вижу — ощущаю светом в ночи. Он под моим окном, точнее, моей лоджией. Его я вижу, когда на эту самую лоджию выбираюсь. Тогда я смотрю вниз и в светлом пятне, лежащем на асфальте, пытаюсь даже себе что-то представить, нафантазировать.

Об аптеке я познаю больше слухом. Летом, когда окна моей лоджии распахнуты настезь, вместе с потоком воздуха

ко мне вливаются все шумы города. В том числе и надоедливый визг открываемой и закрываемой там двери.

Теперь, правда, здесь не только аптека, но и обувной магазин, мясной, цветочный... Ничего не подделаешь — веяние времени: торгуем, чем можем. Спрос рождает предложение.

Летом, когда сижу на лоджии, вижу, как по тротуару спешат люди. Это тоже своеобразный калейдоскоп: кто-то бежит в одну сторону, кто-то — в другую. И всяк по своему одет, и у каждого на лице свое выражение. Сверху вообще забавно наблюдать, особенно когда никому до тебя нет дела. Сидишь, смотришь, философствуешь, даже неосознанно.

Город — это живой организм, и как все живое, он всегда в действии, всегда в движении, не прекращая ни на миг своего существования. Утром, едва забрезжит рассвет, в твой сон, в твою

утреннюю дрему настырным звуком проникает монотонное шуршание метлы по асфальту, скрежет скребка по чуть тронутым ледком лужицам — то дворники, приступившие к своим прямым обязанностям. А потом, если это лето, дробный перестук каблучков по асфальту. Это уже двинулся народ на работу. И так весь день — каблучки в одну сторону, в другую. Сплошной дружный перестук.

Ночью город тоже не спит, взрываясь то чьим-то хором, то свистом, то хохотом. Понятно, о культуре поведения говорить еще рано. Это, к сожалению, еще не для моих сограждан, у нас пока не важен покой другого. Роскошь это еще — думать о другом человеке.

Впрочем, я все воспринимаю спокойно — родное же отечество, ну что с него взять? Это иностранцам, наверное, дико, они к культуре привыкли, к уважению, а я просто просыпаюсь и долго лежу без сна — слушаю город.

Хотя порой мне кажется, что я забрела сюда случайно, потому что мой мир совсем не похож на тот, что за окном. У меня и ход времени свой, в который так много хочется успеть, прочесть, понять, и, если повезет, излить это потом на бумаге.

* * *

Чем старше становлюсь, чем меньше в запасе отпущенного времени, тем мучительнее желание как можно больше успеть. Я многое в жизни недополучила, не испытала, не прочувствовала. Я не познала радости материнства, что так преобразует жизнь каждой женщины. Судьбой мне была дарована иная радость: рождение строк. Что я тоже научилась воспринимать как нечто важное — я тоже творец. Потому что с помощью пера творю свой мир, точнее, образ своего мира. В чем-то схожий с миром других людей, в чем-то...

Да, у человека, всю жизнь прикованного тяжелой болезнью к постели, вынужденного большую часть времени проводить наедине с собой, со своими

мыслями, книгами, многое отличается от обыденного и, вроде бы, само собой разумеющегося. Потому что он не может понять то, что для другого как дважды два. И, наоборот, то, что в твоих глазах выглядит естественным — для другого полнейший абсурд.

Я, например, не могу понять, как можно радоваться горю другого человека, или злиться и выходить из себя при виде чужой радости и благополучия. Не понимаю, как можно завидовать, а значит, опять злиться при виде новой машины соседа, красивого платья соседки, или хорошего мужа подружки. Это ведь так здорово — и машина, и платье, и муж. Мне непонятны интриги — за должности, звания, успех. В моем мире совсем иные ценности. И вообще мой мир другой. Не в смысле лучше, он — другой.

Здесь дорого здоровье, — наверное, потому что его нет. Движение, потому что это возможность ни от кого не зависеть. Здесь ценятся дружба и любовь, ибо ни без одного, ни без другого просто не выжить. Деньги тоже важны, но они уже как средство помощи и решения многих бытовых проблем. Наступает день, и ты радуешься тому, что он наступил в твоей жизни, радуешься как подарку судьбы: не поскупилась ведь, одарила. Я всегда хочу, чтобы было завтра.

Хочу просыпаться и думать — здорово! И с этим ощущением начинать новый день. И проживать его. И воспринимать мир, который за окном. Который ты видишь, слышишь, чувствуешь. К которому стремишься мыслями, мечтами, пером. Ты выбрасываешь на страницы газет, журналов, книг из укромного, тихого мирка своего мысли, чувства, образы. И происходит удивительное — они, эти мысли, чувства, образы находят отклики в сердцах других людей, прорастая там невидимыми росточками. И возникает связь сердец. И общения. И дружбы. Иногда на всю жизнь. Это тоже меня всегда удивляет и радует: значит, наши миры все-таки состыковываются, значит, они не чужды друг другу, и,

значит, в том, законном мире я тоже есть. Незримо присутствую.

* * *

Солнце в мою комнату заглядывает только утром: два-три часа — и вновь краски притушены. Летом хорошо — почти постоянный холодок позволяет свободно дышать моему больному сердцу, зимой же душа просто изнывает в тоске по солнцу, и начинаешь даже завидовать тем, у кого окна квартир выходят на юг. Как, наверное, у них там сейчас хорошо: желтые пятна солнца на полу, стенах, посуде. На посуде лучи не просто горят — вспыхивают ослепительным блеском. Но мне обижаться не на кого — сама выбрала эту сторону. Захотела, чтобы окна выходили не во двор, а на улицу. Решила, что законный мир важнее — буду видеть город, людей.

А вижу, в основном, стену соседнего дома — три окна в одном ряду, три — в другом. Даже, чтобы кусочек неба подсмотреть в углу верхней рамы окна, приходится прилагать усилие — наклоняться, тянуть шею. Иногда в этом уголке появляется звездочка, этаким осколочек от елочной игрушки. Блестит, сверкает на черном бархате неба.

Мне очень нравится смотреть на звезды. Бывая летом в санатории, я всегда ненасытно смотрю на них. Выбираю какой-нибудь уголок потемнее, куда не доходят огни фонарей, и смотрю, смотрю... Очень уж мне нравится мысль, что и на других планетах тоже есть цивилизации, есть живые мыслящие организмы. Иногда у меня даже возникает острое желание подсмотреть, ну как бы тайком подкрасться и заглянуть, словно в окошко: а как там у них? Есть ли и там больные? Ну, такие как я, например? Чтоб ни шагу шагнуть, ни руки поднять. И как они переносят эту беду, что делают, к чему стремятся? И еще, самое главное: счастливы ли?

Кому-то это слово, применяемое к больному человеку, покажется странным: мол, как это — болезнь и счастье?

А почему нет? Разве одно другому мешает? Болезнь — болезнью, а счастье — счастьем.

Я болею всю жизнь, но вот сказать, что я несчастная... Конечно, горя мне довелось хлебнуть немало, а вот назвать себя несчастной не могу, потому что и счастливых мгновений у меня было тоже предостаточно. Я и сейчас счастливая, и главное мое счастье вот оно, рядом — мой Вася. Муж, друг, моя защита и опора, моя каменная стена. Человек, которого я люблю, который любит меня. С ним мне тепло и уютно. В нашем с ним доме, где много книг и цветов, и где всегда царит взаимопонимание и уважение. Его сильные руки могут все, и держать наш дом тоже.

* * *

Удивительно вот что — казалось бы, какая мне разница, что за моим окном: зима или лето, осень или весна? Сажу-то все равно дома. И все же я всегда жду только весну, каждый ее приход. И совсем не потому, что с приходом теплых дней у меня в комнате все больше и больше солнца. Просто потому что весна — это весна.

*Весна! Распахнуты балконы,
Ребячий визг над городом висит,
Дышу всей грудью, радостно и вольно,
И так хочу опять до боли жить.*

У меня и детские воспоминания почему-то больше связаны с весной. Начинаю вспоминать — и перед глазами наш двор, просыхающий после снега, суэта скворцов возле скворечников, прокле-вывающиеся листики на тополях, что окружают наш дом. Веточки тополей мы заносили домой еще в марте, ставили в бутылках на подоконники, отогревали в тепле — торопили весну. И радовались, наблюдая, как пробуждается в них жизнь. Почки темнели, набухали и однажды раскрывались, будто желторотые птенцы открывали свои клювики. А потом появлялись свернутые в тру-

бочку ярко-зеленые росточки, которые росли, росли и вдруг разворачивались в листочек.

Липкие эти почки пачкали пальцы желтым, плохо смываемым клеем, но я все равно расковыривала набухшие лопнувшие бутончики, спеша выпустить в мир новый листочек, новую жизнь.

Мне и сейчас очень нравится молодая листва. Деревья тогда стоят, будто в зеленом легком кружеве. Возле соседнего дома растет березка, и я каждую весну люблю ею, когда выбираюсь на лоджию. Потом листва вырвется на свободу, ветки выбросят новые побеги, и исчезнет ее робкая девичья прелесть. А потом на березку и вообще будет не интересно смотреть — она станет темная, утомленная летним зноем.

Мне очень жаль, что возле моей лоджии деревья не растут — внизу тротуар, по которому бегут люди.

* * *

Суэта людей на улицах — это, я думаю, главный признак любого города. Большого. Маленького. Просто в большом городе улицы густо запружены. И больше шума. В маленьком тише и просторнее, здесь все на виду друг у друга, и почти все друг друга знают. И еще, каждый городок — это крошечное государство. Есть свое правительство — городская администрация, свой президент — глава этой администрации, или по-современному: мэр. Свой министр здравоохранения — главврач города, образования — завгороно. Есть свои артисты, своя пресса. Девчушка, ведущая каждый вечер передачи по местному телевидению, точно такая же звезда в городе, как и любая дикторша на центральном телевидении. А у мэра нашего судьба чуть ли не Путина. И как тот виноват во всех бедах страны, так и этот, только уже города. Масштаб поменьше, а суть одна — хозяин.

Наш глава мне нравится. Отношения у нас с ним далеко не тесные, скорее — никакие, но я ему за многое благодарна.

И за то, что сочувственно относится к моей судьбе, и за то, что ни разу не отмахнулся от моих проблем. И за то, конечно, что теперь я живу в этой новой квартире, где кое-что сделано под мои физические возможности, главное — свободный выход на лоджию, на воздух.

Душа моя вообще переполнена благодарностью многим людям, которые встречались на жизненном пути, которые помогали мне в трудные моменты. Порой, особенно ночами, когда не спится, перебирая свою жизнь чуть ли не год за годом, я всегда так остро понимаю, что все, что у меня было в жизни хорошего, что получилось в конечном итоге, что я могу записать в свой актив — это, безусловно, люди. Без их помощи и поддержки вряд ли получилось то, что получилось, а именно: полный оптимизма человек, который, несмотря на неизлечимую, год от года прогрессирующую болезнь, более чем тридцатилетнюю неподвижность, живет полной и насыщенной жизнью. И верит в эту жизнь, и стремится к ней.

* * *

Конечно, больному человеку, да еще больному с детства, все дается непросто. Но я благодарна Богу, что Он, Господь, меня все-таки пожалел — не лишил, например, родителей в детстве, как это часто бывает. Я выросла в любви и заботе, этой любви мне хватило и на всю оставшуюся жизнь. Жизни уже без них: без мамы, без папы. Они ушли, но ушли лишь физически, духовная наша связь, и я это чувствую, продолжается. Мы просто не можем видеться, потому что так уж устроен мир, но внутренним каким-то своим наитием я все равно ощущаю, что они рядом. Оберегают, направляют.

Я почти умирала минувшей осенью: температура под сорок, боли. Я металась дома в ожидании, когда же обещанные врачи приедут ко мне и помогут. А у них что-то все не получалось, не ладилось —

то не было машины, то врач уезжал на более экстренный вызов. Я терпела. И вдруг на исходе четвертых суток как озарение: а ведь я умру. Умру, если сейчас же, сию минуту, не поеду в больницу.

И уже потом, прооперированная, обколотая обезболивающими, с плывущей то ли от наркотиков, то ли от температуры головой, я лежала в палате под капельницей, вновь и вновь возвращаясь к словам дежурного хирурга: «Молодец, что приехала сегодня, завтра было бы поздно». И понимала: это опять родители спасли меня, подголкнули к поступку, заставив набрать номер телефона и сказать: «Все, больше я не могу». Ждала четверо суток и вдруг не захотела дожидаться утра. Почему?

Я и сейчас словно вижу ту страшную ночь — мелькание огней в окошке «скорой», несущей меня сквозь город. От ухабов на дороге машину трясет, позвякивают, сотрясаясь, носилки, на которых, завернутая в одеяло, лежу я. И в голове у меня лишь только одна мысль: а наступит ли для меня завтрашний день?

А потом все как во сне: грохот распахиваемых дверей машины, скрежет носилок, какие-то люди, какие-то разговоры... Меня куда-то везут, о чем-то спрашивают. Я помню только, что все время беспокоюсь за свой пакет: где шприц, где флакончик с инсулином — вдруг потеряют, и что тогда?

И еще помню свое первое пробуждение в палате и свою тихую радость — утро...

За окном еще слабый сентябрьский рассвет, вернее,

слегка разбавленная синева. Нет еще солнца, даже слабого намека на него, но это все равно уже утро. Утро нарождающегося нового дня. Мое завтра, которого могло и не быть.

* * *

Я вообще очень люблю утро. Люблю просыпаться и долго лежать. В полудреме, в полусне. И особенно, когда утром солнце, потому что моя комната тогда буквально плавится в ярких лучах. И еще потому, что тогда очень верится — в такой день не случится ничего плохого.

Так уж устроена наша жизнь, что человеку не дано заглянуть в свое будущее — ни близкое, ни далекое. Он не может знать даже то, что случится с ним через час, минуту. Предполагать может, что скоро, например, должна забежать подруга, что вечером будет твой любимый сериал, и ты его обязательно посмотришь. Но именно, что предполагать, наверняка ты все равно знать не можешь, ибо жизнь способна в любой момент поломать весь твой распорядок, внести в него свои коррективы. И не до сериала твоего любимого будет, он и вообще может не состояться для тебя. Потому что сердце твое, только что ритмично постукивающее в груди, вдруг возьмет и остановится. Устанет оно. Разве так не бывает, так не случается? Да сплошь и рядом. Стучит, стучит — и останавливается вдруг на полном ходу жизни. За письменным ли столом, за рулем ли автомобиля, в кресле у телевизора...

Сколько раз ночами я просыпалась от того, что меня будило сердце. Своими бешеными толч-

ками, да такими, что казалось — вот оно сейчас выпрыгнет из груди. И перехватывало дыхание. И тогда казалось — все, пришел твой последний час.

Может быть, именно поэтому я так и люблю утро, ибо понимаю, что жизнь дарит мне еще один день. День, в котором опять будут и новые страницы книг, и новые строчки, только что соскользнувшие с кончика пера, и новые телефонные звонки.

Кстати, телефон... Привычная пластмассовая коробочка, которая теперь есть почти в каждом доме, каждой квартире. А если вдуматься — великое чудо, которое существует на свете, и которому я не перестаю удивляться. Главное ведь что: ты сидишь дома, сидишь за своим столом. Потом просто набираешь цифры, определенную их комбинацию, и происходит невероятное — твой голос слышат на другом конце провода. И неважно где этот конец в данном случае: на соседней ли улице, в далеком ли городе, в другой стране... Например, в той же Франции или в Англии.

Ни во Францию, ни в Англию я, конечно, не звоню, не была никогда ни в Париже, ни в Лондоне, а вот они, французы и англичанка, в моем доме были. По каким-то там своим, совместно с Россией, социальным программам. Им захотелось узнать, как живут российские инвалиды в такой вот глубинке, например, как мой городок. Как живу я, тяжело больной человек, почти всю свою жизнь прикованный к постели.

Саманте я наговорила целую кассету в ее крошечный, с ладошку, диктофон (которому, кстати, позавидовала — вот бы мне такой!). Патрику и Катрин через симпатичную переводчицу тоже сумела поведать все, что их интересовало.

А интересовало их многое, даже то, как я, например, чувствую себя, годами не покидая квартиры.

Я ответила просто: «Нормально, половина страны дома сидит, не я одна».

А в общем-то, и Саманте, и Патрику с Катрин я попыталась объяснить главное:

что в нашей стране очень многое, если не все, зависит от самого человека. Если он проявит упорство, волю к жизни, если зацепится за нее — он победит. Выстоит, даже будучи физически разгромленным человеком, немощным до отчаяния. Потому что только он сам хозяин своей жизни, своей судьбы, и никакие социальные программы, никакие дяденьки и тетеньки, в этих самых программах работающие, тебя не спасут. Если ты будешь просто сидеть и ждать. Когда о тебе вспомнят, когда к тебе придут и все тебе сделают, подадут на блюдечке с голубой каемочкой. Дяденьки и тетеньки на должностях, таких, как ты, у них много. А тыу себя один единственный, и болит у тебя, и проблемы твои, и решать их тебе. Пусть порой и с помощью тех же самых дяденек и тетенок, но все-таки именно тебе. В первую очередь.

Конечно, с самой болезнью бороться трудно, особенно если ты не специалист — ни терапевт, ни невропатолог, ни эндокринолог. У меня целый букет болезней, и каждая — серьезная. Только диабет один чего стоит, который, как ржавчина железа, разъедает мой организм, все мои сосуды. Живя с этой болезнью, ты не застрахован ни от чего, и главное, от слепоты, чего я боюсь больше всего на свете. Пока есть глаза, пока ты видишь — это еще половина беды, даже в теперешнем моем положении. Потому что, главное, я все равно могу — могу читать, могу писать, могу видеть солнце за окном.

Диабет уже добрался до моих почек, до глаз. Нет, слава Богу, я еще вижу, пусть уже и в очках. Там, в сетчатке, уже что-то происходит, какие-то свои необратимые процессы. Конечно, я усердно капаю капли, и шприц с инсулином всегда при мне. Правда, к сожалению, его надо было начать колоть намного раньше, но... Извечная российская наша проблема — кому ты нужен, гомо сапиенс?

У нас в городе очень плохой эндокринолог. Какой она специалист — не



знаю, но как врач плохая, потому что равнодушная.

Но зато болезнь моя набирает силы, и потому я все больше и больше вникаю во все справочники, лечебники. Пытаюсь хоть как-то сопротивляться болезни, тормозить ее. Я не в силах побороть чье-то равнодушие, но и уступать болезни тоже не хочу. Мне нельзя терять зрение, нельзя слепнуть — у меня еще слишком много дел в этой жизни.

Да, я понимаю, что времени у меня немного. Не хочу об этом думать, жизнь есть жизнь, но однажды...

Наверное, поэтому я очень не люблю слово «никогда».

— Когда мы с тобой увидимся?

— Никогда.

— Когда я выздоровлю?

— Никогда.

Там, на краю города, где дорога, сделав изгиб, убегает серой лентой в соседнюю Оренбургскую область, есть место, о котором я всегда думаю с болью в сердце — наше городское кладбище. Где лежат уже тысячи людей. Где лежат и мои дорогие родители. Они лежат рядышком, объединенные одной общей оградкой.

— Только с отцом рядом...

Все 11 лет после смерти папы мама твердила мне об этом, наказывала.

— Я тебе наказываю, похорони меня рядом с отцом. Не будет места

рядом — схорони в одну могилу. Слышишь? Исполни.

Я слышала, я исполнила. Место нашлось, к счастью. Теперь они опять вместе. Как почти 50 лет. Лежат рядышком, могилка к могилке, памятник к памятнику. Я никогда не бывала на могиле родителей — слишком все это сложно, слишком все это трудно: кому-то снести меня с этажа, кому-то толкать коляску, и все в гору, в гору. Километра четыре, в обход железно-дорожной линии. У меня есть только фотография, мгновение, запечатленное на цветную пленку. Два холмика с молоденькой рябинкой возле низкой

оградки. Я часто беру эту фотографию в свои руки. Смотрю, думаю...

Наверное, все это правильно — что есть начало, есть конец. Всему в мире: ночи, дню, весне, зиме. Жизни... Все когда-то приходят в этот мир, и все уходят, каждый в свой час.

Когда я читаю исторические книги, меня всегда посещает одна и та же мысль: Боже мой, сколько же было людей на земле, они жили, страдали, радовались. Они боролись за власть и теряли ее, они копили богатства и, уходя, не забирали его с собой в могилу. За тысячи и тысячи веков наш маленький земной шарик пережил все — и наводнения, и пожары, и землетрясения, и войны, которые, к сожалению, не кончаются и по сию пору. И которые будут, наверное, всегда. Через тысячи и тысячи лет и после нашего, тоже очень бурного, времени. Которое тоже для кого-то станет просто далекой историей. Как далеким кажется все то, что происходило в начале нашей эры или даже до нее. Когда тоже жили люди. То, что для нас, глядящих на них из своего двадцать первого века, лишь история, для них была жизнь. Просто жизнь. С их настоящим, их будущим. С их завтрашним днем, который они тоже ждали, на который надеялись. Что он будет лучше дня сегодняшнего.

И завтра наступало. И становилось днем сегодняшним. А новое завтра опять манило своими надеждами, обещаниями завтрашнего дня.

* * *

Я засыпаю вечером и думаю о том, что завтра я опять проснусь в хорошем настроении, открою глаза и увижу солнце, щедрыми своими лучами освещающее комнату. Стены, цветы на журнальном столике, книги на полках. Мой мир, в котором много лет, изо дня в день, живу я.

Болезнь сделала меня затворником этих стен, очень уютных стен, с любимыми моими репродукциями, любимым

ковром над моим диваном. Часами, на которые я смотрю. Чтобы вовремя принять лекарства, чтобы вовремя включить радиоприемник или телевизор. Меня очень многое интересует в этой жизни, мне многое хочется узнать, увидеть, ведь мир так велик и так интересен, и так хочется прикоснуться к нему. Было бы здоровье, возможно, я стала бы путешественником. Бродила бы по городам и весям, взбиралась бы на горы... А потом рассказывала бы обо всем этом людям. О том, что видела, к чему прикоснулась...

Наверное, я бы писала хорошие книги. Я бы дарила их всем людям — и добрым, и злым. Добрым, чтобы порадовать их еще больше, злым... Злым, чтобы они хоть на капельку стали лучше. Потому что жить в этом мире злым страшно. Злого не радуют ни рассветы, ни закаты, ни завтрашний день...

Да, мне бы очень хотелось писать добрые книги. Несмотря на свою тяжелую болезнь, несмотря на свою полную неподвижность. Да и что тело, когда есть душа? Которая, как птица, рвется к солнцу, к свету, к радости. И удержать ее невозможно даже в неподвижном, больном теле. Боль можно стерпеть. Сжать крепко зубы и стерпеть. Я терплю уже много лет и потому знаю, о чем говорю. Но удержать в сетях душу...

* * *

Окно, фонарь, аптека. Поэт произнес эти слова, заключив в них и свою печаль, и свое одиночество, тоску о любимой женщине. Я не печалюсь. Что случилось, то случилось.

*Не ропщу, не тоскую —
Принимаю, как есть,
Жизнь мою не простую
Без волшебных чудес.
Я живу, как умею,
Вера в свет и добро.
Ну и пусть, что болею,
Что ходить не дано.*

*Я привыкла к уколам,
Ночи долгой без сна —
Жизнь не станет другою
Как бы я не ждала.
Как бы я не молила,
Руки к небу воздев:
«Боже, сделай счастливой,
Погаси лаской гнев!»
Да и что в этом плаче?
Плач — не плач, а терни.
Значит так, не иначе
Крест должна свой нести.
Значит, доли получше
Мне пока не дано,
Не такой, видно, случай,
Чтобы вдруг снизошло.
Чтоб развернулось небо,
Засверкала гроза...
И я встала и смело
По дороге пошла.
Позабыв про болезни,
Позабыв про беду,
Лишь твердя, будто песню:
«Я иду! Я иду!..»
Может, так и случилось —
Верить в это хочу.
Мне ж другое досталось,
Вот с другим и живу.
Неподвижное тело,
Да крылата душа,
Да надежда и вера,
Что со мною всегда.
Что рассеются тучи,
Солнце снова взойдет.
В день прекрасный, грядущий
Вновь меня позовет...*



Да, я верю в свой завтрашний день и всегда жду его. Потому что, когда наступает утро, просыпаются новые надежды и ожидание нового дня — опять завтрашнего. И так до тех пор, пока однажды...

Будет все: рассвет, пение птиц, размеренное шарканье метлы по асфальту, луч солнца, который прорвется в твоё окошко, осветит твою комнату, стройные ряды книг на книжных полках... Не будет только тебя. Боже мой! Как же я хочу, чтобы было завтра!..

Довольно часто я читаю газетные статьи, смотрю телепередачи о людях с трудной судьбой. Попадают среди них и истории людей, волею судьбы ставших инвалидами. Чаще всего такие материалы можно разделить на два типа: «жалостливые» и «хвалебные». Их персонаж — либо несчастный человек, вызывающий жалость и требующий помощи, либо герой, преодолевший все недуги — или физически, избавившись от болезни (вроде Валентина Дикюля) или в творчестве, работе, семейной жизни — «наперекор всему». Бывает также, что статья причудливо соединяет эти два «шаблона»...

по ту сторону газетных заголовков

НЕЗАМЕТНЫЙ талант

Так получилось, что я и сама становилась героиней таких материалов. Порой мне было смешно и грустно читать строки, где я, с моей средней по тяжести форме ДЦП, объявлялась «почти неподвижной», «физически беспомощной». И дело даже не в том, что на самом деле я хожу, и не так уж плохо, и многое другое мне тоже по силам. Хорошо, пусть я беспомощна — ну и что с того? Как будто от этого мои стихи или рисунки станут лучше! Впрочем, набравшись собственного журналистского опыта, я стала чуть мягче относиться к этому. Я поняла, что очень часто журналисты руководствуются привычными штампами просто потому, что плохо знакомы с материалом — не медики же они, в конце концов, и не реабилитологи! Бывает, на авторов «давит» и политика редакции. В общем, журналистов понять можно. А как видим это мы, их «объекты наблюдения»? И какие мы на самом деле? Что стоит по ту сторону громких заголовков?

Знакомство

— Лен, слушай, тут есть идея — написать о тебе статью в «Луч...».

— Зачем? Не надо!

— Ты так считаешь?

— Конечно. Ничего героического или сенсационного во мне нет, а жалости мне не нужно...

Примерно так начался мой очередной телефонный разговор с Леной Рожковой. Очередной — потому что знакомы мы уже около двух лет. Началось все с того, что один из моих друзей буквально завалил меня рассказами о Лене. Сначала он прочитал о ней в газете, а потом узнал ее телефон от директора библиотеки для слепых. Поддавшись на его уговоры, я тоже набрала этот номер, хотя в мыслях скептически пожимала плечами: ну и о чем я буду говорить с человеком, которого ни разу не видела? Да еще зная о его тяжелом физическом состоянии? Что из всего этого может получиться?

Но... я услышала очень приятный голос. Низковатого тембра, спокойный, со смешанным оттенком вопроситель-

ности и доброжелательности. И при его звуке как-то сразу отпали все сомнения и все вопросы. Через несколько минут я уже беседовала с Леной, как со старой знакомой. И почти сразу же мы стали звонить друг другу очень часто — едва ли не каждый день.

Беспокойство возникло вновь только через год, когда я ехала в автобусе, чтобы впервые встретиться с Леной «вживую». Мы живем слишком далеко друг от друга, и раньше нам увидиться не удавалось. И вот тогда во мне снова шевельнулось сомнение: в моей практике это была первая встреча с человеком, прикованным к постели, да еще и незрячим. Как это будет? Не возникнет ли у меня скованности, напряжения? Смогу ли я их преодолеть?

Кровать. На ней — по грудь укрытый одеялом полный, неподвижный человек. Опущены веки. Вот таким было мое первое впечатление от встречи с Леной. Но это — лишь первая секунда. В следующий миг я уже говорю: «Здравствуй!» Сажусь рядом, даю руку, в ответ на шутливую просьбу разрешаю себя ощупать — надо ведь и ей составить обо мне «визуальное представление»! Достая из пакета подарок: плюшевого цыпленка... А потом — пошел разговор, совсем как по телефону, и уже все прекрасно, все стало на свои места! Хохочем, шутим... Преграда исчезла, не успев возникнуть.

Спустя некоторое время я рассказала Лене об этом. А в ответ получила полный юмора рассказ о том, как порой реагирую на нее люди:

— Конечно же, здоровые люди, не знакомые близко с инвалидами, не имеющие их среди близких родственников, имеют о нас весьма смутное представление. Как-то раз, звонит у меня телефон. Беру трубку. Спросили маму, которой дома не было, о чем я и сообщила. Ответила, когда она придет, спросила, что передать. А из трубки — вопрос: «А кто у телефона?» — «Лена». — «Это та, которая лежит? Надо же, а разговаривает, как нормальная...». А еще недавно приходила к нам женщина, которая меня не видела очень давно — едва ли

не с момента аварии. Сидит она возле меня, и, чувствую, не знает, как ко мне и подступиться, как со мной себя вести. И вот заговаривает — как с пятилетним ребенком: «Леночка, ты меня-то знаешь? Ты вот таких-то помнишь, я к вам с ними приходила?» Ну, в общем, решил человек, что за столько лет лежания в кровати, у меня рассудок уж наверняка повредился. Я отвечаю, конечно, а саму смех душит...

А в самом деле, что может знать среднестатистический здоровый человек о жизни Лены, 15 лет назад вырванной из привычного течения нашей жизни тяжелейшими травмами? О жизни многих других, ей подобных?

Прикроватный мирок

История Лены, в общем-то, банальна: авткатастрофа, непристегнутый ремень. Высокий перелом позвоночника. Разбитое стекло очков, лишившее ее глаза. Была надежда спасти зрение на втором глазу, но она не оправдалась... Целый год скитаний по больницам. Заключение врачей о невозможности улучшения. И — выписка домой...

А дома — привыкание к мирку, ограниченному кровати, тумбочкой с одной стороны от нее, столиком — с другой. На них — необходимые вещи, до которых могут дотянуться руки: вода для питья, лекарства, телефон, радиоприемник... Справляться со всем этим «хозяйством» теперь нужно на ощупь...

После окончания медицинского училища Лена успела полтора года поработать медсестрой в районной больнице. Подруги по училищу и работе не прекратили общение с ней после несчастья. И сейчас, спустя много лет, они приходят, звонят. Появились и новые друзья. И вообще, жизнь не стоит на месте. Постепенно в Ленин прикроватный мирок стали входить новые вещи, новые занятия. Через год после выписки кто-то рассказал ей о библиотеке для слепых — раньше она даже не знала о существовании такого учреждения. Сотрудники библиотеки оказались очень отзывчивыми людьми. Они помогли ей освоить точечную азбуку Брайля, и с тех

пор Лена регулярно получает по почте книги — как бумажные, напечатанные по Брайлю, так и звуковые — на кассетах.

— Конечно, книги — это великое дело. Правда, чтением по Брайлю я владею не идеально — ему же детей в школах для слепых несколько лет учат. Но и то хорошо, что разобрать могу. Звуковые книги — удобнее, но и у них минусы есть: чтение по бумаге, хоть и на ощупь, дает более «зрительную» картину, на слух восприятие хуже, да и для того, чтобы понять получше какое-то место, надо кассету назад перематывать. Говорят, с дисками удобнее, да где проигрыватель взять? А еще есть одна загвоздка: не всегда у нас вкусы с библиотекарем совпадают. Пришлют иногда такое, что совсем мне неинтересно. Хотя и тут подчас совсем неожиданно дело поворачивается. Например, я никогда не увлеклась фантастикой. Но вот стали мне из библиотеки приходиться один за другим фантастические романы. Волей-неволей, приходилось слушать — а что делать-то? И вдруг ловлю себя на мысли, что, оказывается, мне это интересно!

Из всего этого и состоит сейчас жизнь Лены. Книжки, радио, телевизор дают информацию. Телефон соединяет с друзьями, когда они не могут прийти. А многие знакомые и друзья Лены общаются с ней только с помощью него. Кто-то, как я, далеко живет. Кому-то просто невозможно прийти — тоже не дает болезнь. Собратьев по несчастью среди друзей Лены довольно много. Пообщавшись с Леной, Вера Жакенова, директор библиотеки для слепых стала знакомить ее с другими читателями. Лена стала членом Общества слепых. Затем появилось Общество инвалидов. А в последнее время с Леной познакомились многие ребята из Центра социокультурной анимации «Одухотворение» — в том числе и я... Так что общения хватает.

— Однажды приехала ко мне съемочная группа с нашего телевидения. Сняли сюжет для новостей: вот такое несчастье с человеком случилось, вот, так и лежит теперь. А под конец девочка-корреспон-

дент выдала: «Лене не с кем поговорить, кроме плюшевой собачки» — ну, сидела у меня в изголовье такая игрушка, подаренная кем-то. Все мои знакомые потом над этой фразой смеялись. У меня же телефон с утра до ночи разрывается! В больницу в прошлом году легла — в один день двенадцать человек пришло посетителей!

Жизнь ради жизни

Нет, я не буду рисовать жизнь Лены в розовом цвете. Жизнь тяжелого инвалида в любом случае — не сахар. В ней есть все. И сильные боли, от которых порой не спасает ни одна таблетка. И множество других проблем со здоровьем (гипертония, камни в почках) как крючки, цепляющихся к основному диагнозу. И сама жизнь — когда не работает ничего ниже рук, когда не можешь самостоятельно не только сесть, но и повернуться на другой бок...

Как жить в таком положении? Очень многие, услышав о Лене или о других людях, оказавшихся в подобной ситуации, ужасаются и начинают причитать: ах, несчастная, да лучше бы ей и не выживать после аварии... Самое страшное, что и сами инвалиды порой не видят никакого смысла в своей жизни, и превращают ее в скопление жалоб и претензий: я неизлечимо болен, мне никто не помогает, кому я такой нужен... Причем зачастую это люди с гораздо менее тяжелыми недугами. Казалось бы, наша пресса сейчас много рассказывает о людях, которые многого добились, несмотря на инвалидность: спортсменах, ученых, художниках, поэтах, просто хороших специалистах. Еще больше, пожалуй, историй о людях, нашедших свою любовь и, несмотря на тяжелые недуги, создавших семью. Но очень часто такие примеры ничем не могут помочь. Человек смотрит телевизор, читает газету или журнал — и рассуждает следующим образом: «Вот молодцы ребята, семью создали! А мне-то куда до них, я так не смогу, да у меня и положение тяжелее...» Или вот так: «Ну, рисует человек, ну, сти-

хи пишет. Но у меня-то никаких таких талантов нет!»

У Лены тоже нет никаких особых талантов. Правда, года три назад она освоила плетение из бисера (разумеется, с ним тоже работа на ощупь), и теперь дарит друзьям и знакомым свои поделки. Но, как она сама признает, это «не тот масштаб» — схемы в основном берутся готовые, из разных книг и альбомов, да и сложность работ не очень высока — схемы Лена осваивает с помощью мамы, которая читает ей книги, а попробуй-ка переведи сложную схему с рисунка в слова!

На жизнь, тем не менее, Лена смотрит спокойно, не жалуясь и не впадая в особое уныние. Немало помогают ей в этом родные, особенно мама. Я видела Лидию Ивановну всего один раз. Но у меня сложилось очень хорошее впечатление об этой женщине — я не заметила в ней ни капли уныния, ни одного намека на жалобу — «вот, мол, мы какие...» Именно Лидия Ивановна выходила Лену после больницы, именно благодаря ей она живет сейчас...

Другие близкие тоже принимают Лену такой, какая она есть. Брат живет недалеко — в соседнем подъезде. Он и его семья всегда готовы помочь.

Но, несомненно, огромная заслуга в этом принадлежит и самой Лене. Ведь часто друзья и родные перестают общаться с человеком, ставшим инвалидом, вовсе не из-за его болезни. Порой сам человек отталкивает от себя близких людей — меняясь в характере, заиклившись на своей болезни и не желая замечать ничего, кроме собственной персоны и своих проблем. Он начинает требовать к себе повышенного внимания, копит мелочные обиды, обвиняет людей в черствости, не замечая подлинного внимания и участия.

Мне трудно представить, что чувствовала Лена в первое время после аварии. Подробно расспрашивать ее об этом я не решилась. Но в одном я уверена — в подобный эгоизм она не впадала. Более того, она продолжала интересоваться жизнью своих друзей, радуясь их успехам, сопереживая неудачам. И в этом сполна открылся талант, которому

многие не придают значения, но который есть далеко не у каждого — талант соучастия и готовности помочь. Казалось бы, чем может помочь другому человеку женщина, прикованная к постели? Но даже в таком положении доступно не так уж мало. Для своих знакомых Лена стала и телефонным справочником, и человеком с медицинским образованием и «связями» в кругу врачей... Она никогда не отказывается позвонить куда-то, выяснить по телефону какой-то вопрос... Но самое главное — у Лены врожденный дар психолога. За два года нашего общения я могла испытать его и на себе. Если у меня плохое настроение, она обязательно выяснит его причину — и с мягким юмором «сведет его на нет». На каждый мой рассказ, на каждую новость она прореагирует с живым интересом, обязательно выскажет свое собственное мнение, вспомнит примеры из собственной жизни, или из опыта своих друзей и знакомых. Через минуту я уже улыбаюсь... А сколько еще знакомых Лены благодарны ей за такие минуты! Вера Жакенова в беседе со мной признавалась, что иногда она специально знакомила с нею людей, которым было плохо...

...Мне удалось убедить Лену, что ее история может быть интересна и полезна людям. Завершая работу над статьей, я спросила ее, что бы она сама хотела сказать читателям?

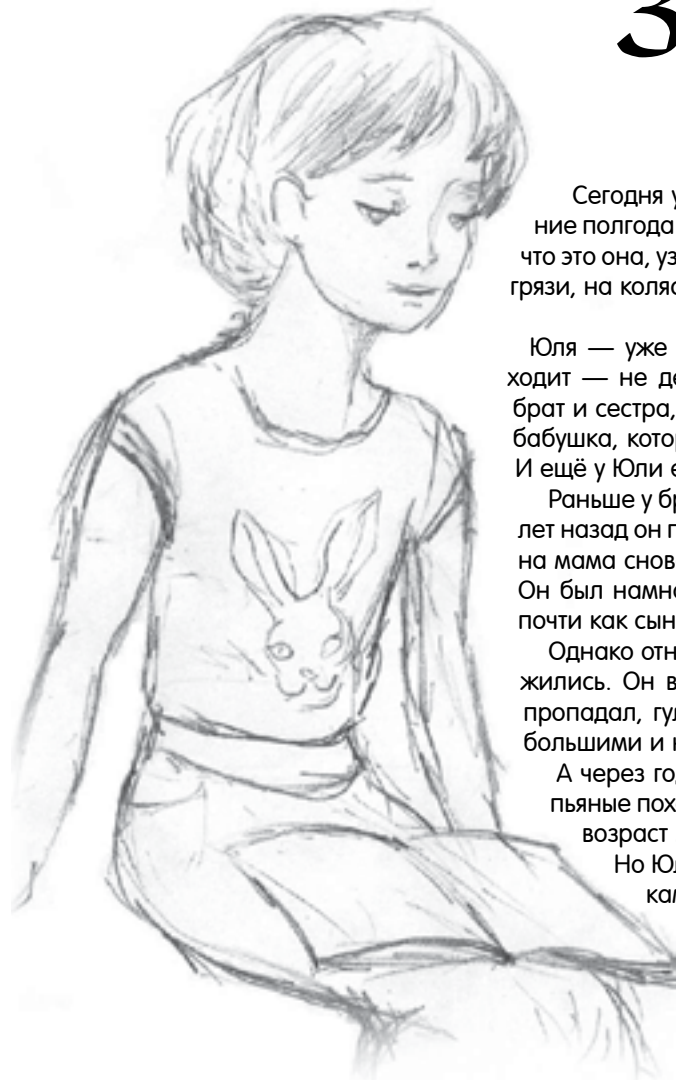
— Наверно, я не смогу сказать именно так, как думаю, может быть, мои фразы тоже будут шаблонны, но все же... Если говорить о таких ситуациях, как моя... Я думаю, что после того, как пройдет первая паника, ощущение наступившей тебя катастрофы — надо просто подумать и успокоиться. В любом положении надо жить как можно полнее, насколько это возможно. Ведь жить все же лучше, чем не жить, правда? Даже если жизнь тебя загнала в рамки кровати — постарайся максимально использовать и это пространство. Постарайся и в этом положении сделать все возможное — и для себя, и для других...

Ирина Позднякова

Как живется на свете ребенку-инвалиду? Очень часто — совсем неплохо, если родители любят его. Любящая мать, игрушки, лакомства — что может быть лучше и желаннее для ребенка? Но часто ли мы задумываемся, что у любого положения может быть оборотная сторона?

История, которую мы хотим рассказать вам, заставляет о многом задуматься...

ДОЛГОЖДАННЫЙ ЗВОНОК



Сегодня у меня самый счастливый день за последние полгода! Сегодня позвонила Юлька. Я сразу понял, что это она, узнал ее голос. Все бросил и помчался — по грязи, на коляске...

Юля — уже большая девочка, ей 10 лет. Но она не ходит — не действуют ноги, ДЦП. У нее есть старшие брат и сестра, есть мама — очень милая и добрая. Есть бабушка, которая живет рядом и часто к ней приходит. И ещё у Юли есть «приходящий» папа...

Раньше у брата и сестры Юли был другой папа. Но 11 лет назад он погиб. Разбился на машине... Вскоре Юлина мама снова вышла замуж, — за молодого человека. Он был намного моложе ее, на 18 лет, — по возрасту почти как сын. Но что поделаешь — любовь!

Однако отношения с новым мужем почему-то не сложились. Он все чаще возвращался домой нетрезвым, пропадал, гулял на стороне. Старшие дети были уже большими и никак не связывали их.

А через год появилась на свет Юлька... Может быть, пьяные похождения отца сыграли свою роль, а может, возраст матери, — то одному лишь Богу известно.

Но Юлька родилась такой вот, с большими ножками. Отец, конечно, обвинил во всем маму, но все же не ушел от нее, и от Юльки не отрекся. Да и куда бы он ушел, когда здесь — прекрасная трехкомнатная квартира с чудесной обстановкой, а у него — только комнатка в общежитии...

Юлька росла, мама с бабушкой ее любили и баловали, выполняли все ее капризы. Она ни в чем не нуждалась, малейшее ее желание всегда исполнялось. Дома у них всегда все было в достатке, — и мебель хорошая, и домашняя техника, и одежда... И все же, Юлька была одна. Ею никто не занимался. Старшие брат и сестра к Юльке давно не ходят, — они уже большие (на 14 и 16 лет старше!) и живут отдельно, у них свои семьи. Отцу — не до нее, он то в квартире живет, то к себе в общежитие уходит, на целые месяцы. Мама постоянно работает, трудится, как пчелка, — чтобы был достаток в доме (от отца-то ничего не дождешься). У нее хорошая работа, есть возможность обеспечить дом. Но времени на дочь не хватает. Да и не слушается ее Юлька, совершенно. Ещё бы! Ну все ей покупают и достают, даже домашний кинотеатр на всю стену купили! Экран — что ковер, встроенное видео, DVD и куча дисков. Мебель, одежда, еда, техника — все есть. Ни в чем отказа нет Юльке, все что рекламируют — есть у нее. Только друзей — нет...

Вот и выросла девчонка капризная и избалованная. Мама ей все позволяет, уроки делать не принуждает Устала? Больно? Ну, больной же ребенок, пусть отдохнет (а то — истерика). Учительница к Юльке ходит только раз в неделю, а то и реже. Но и то, что задают, Юлька не выполняет, — то устала, то голова болит, то в карты с бабушкой целый день играют, то телевизор смотрит (а смотрит она все сериалы и показы мод, по всем каналам огромного японского кинотеатра). Бабушка с телевизором и картами потворствует; без карт ей самой скучно, а телевизор — качество прекрасное и экран в полстены, смотри — не хочю! Бабушка любит Юльку, ведь она за ней с детства ухаживала. Но бабуля сама неграмотная, только два класса образования. Не могла она ничему научить девочку, кроме как игры в карты.

Юлька прекрасно говорит, и руки у нее работают замечательно. И не глупая она,

смышленная. Но... в десять лет весь мир для нее — это телевизор и карточные игры. Все! Читает она с большим трудом по слогам, пишет — хуже первоклассника (хотя руки работают прекрасно), кругозор — как у маленького ребенка...

Такой она была, когда мы познакомились. С тех пор я стал приходить к ней в гости. Приводил с собой ребят, своих юных друзей. Мне думалось, что они быстро подружатся с Юлькой, ведь они — ровесники. А там, глядишь — и что-нибудь изменится в ее жизни. Тем более и сама Юлька всегда была рада нам и стала привязываться; скучала, когда мы долго не приходили.

Но все было далеко не так просто. Ребятам было неинтересно с Юлькой. С ней просто не о чем говорить, — она нигде не бывает (если бабуля и вывезет ее из дома, то только к своим подружкам-бабкам у соседнего подъезда), смотрит одни сериалы и совершенно не читает. Бывает, приходим — а она в карты играет. «Ой, ребята, садитесь все, сейчас 3 на 3 сообразим!» И сразу все снимают. Ну, кому из детей понравится сидеть в четырех стенах и играть в карты, когда за окнами — лето, за окнами — улица, которая манит к себе, и там столько интересного?! Единственное, что для ребят было привлекательным у Юльки — это вкусные угощения (тортики, шоколадные конфеты, нежные фрукты) и японский кинотеатр (ни у кого такого нет!). Но улица все равно зовет! У Юльки много видеоигр — «стрелялки», «гонялки», но играть с ней тоже неинтересно, она не умеет проигрывать, сразу начинает плакать. Ну, кому это понравится? Конечно, ребята ей поддавались, — чтобы поиграть подольше. Но это только в первое время. А потом новизна проходит, и улица снова побеждает.

Все чаще я слышал от своих маленьких друзей:

«С ней скучно...»

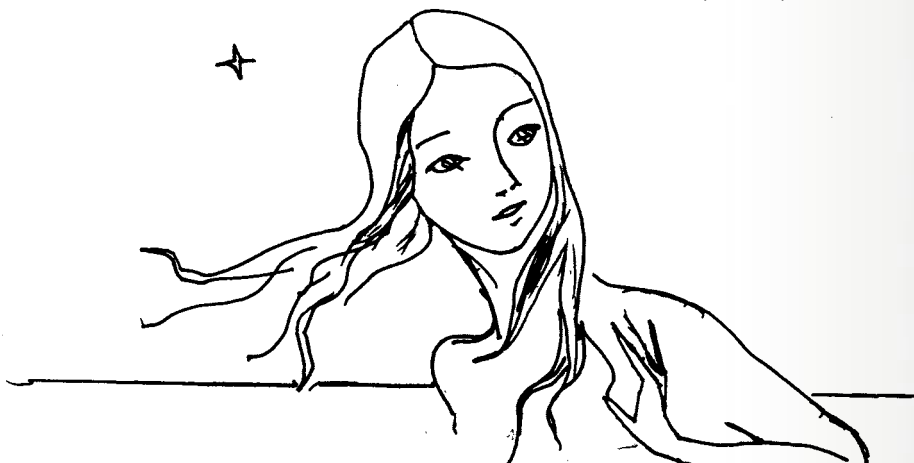
«Дура припаподочная, чуть что не по ней — визжит!»

«Дядя Саша, мы только тортик съедим,

а конфеты с собой возьмем, на улицу, — можно? Мы пойдем, ладно?»

Все мои попытки подружить Юльку с ребятами разбивались. Я ее и на улицу вытаскивал, пытался включить в игру, у нас же столько игр всяких во дворе — «в слова», «в загадки», «поле чудес», «семь стихий». Тщетно! Везде нужно усилие ума, нужно думать, а Юлька только кричать привыкла, думать не хочет. Да и кругозора не хватает, и знаний. Ну, как будешь играть в «поле чудес», если совсем ничего не читаешь? Юлька всегда была последней, всегда проигрывала — и в слезы!..

И вот, этим летом у меня лопнуло терпение. Я пришел к Юльке в гости, когда у нее дома никого не было. Выключил телевизор, отнял пульт и убрал его наверх, чтобы не достать было. А потом выложил всё, что я о ней думаю! И о ее иждивенческом отношении к маме (домашний пират просто!), и почему с ней ребята не хотят дружить. И о ее ненормальном увлечении карточными играми и телевизором — всей этой «мутью», что она смотрит целыми днями (а ведь по телевизору и интересные передачи бывают, познавательные). И об ее отношении к учебе — девчонке уже 10 лет, а читает по слогам, книгу в руках отродясь не держала!



— Что тебя ждет, когда мама умрет? Кому ты нужна будешь, неумеха, дура неграмотная?! Кем сможешь стать в этой жизни?

— Поваром...

— Прекрасно! А кто за тебя будет читать, чего и сколько положить в блюдо, как рассчитать пропорции составляющих? Неграмотная ты дура и эгоистка!

— Я не эгоистка, не дура! — сквозь слёзы говорила Юлька. И разрыдалась. Но вскоре успокоилась, и я вновь продолжал...

Много чего я ей наговорил тогда. Не сдержался... Я много раз предлагал ей любую помощь, и с ребятами пытался подружить, и объяснял, к чему такая иждивенческая жизнь может привести. Без толку! Все это накопилось во мне, накипело, — и я уже не мог сдержаться, высказал все, что наболело.

Началась истерика. Игра на публику, какой не было — по привычке (на маму-то действует). Я испугался, что она может себе что-нибудь повредить, и поспешил подушку сзади в коляску положить. А она схватила мою руку и укусила до крови!

Ну уж, этого я не ожидал! Выволок ее из коляски и закинул на тахту, одним рывком... До сих пор казню себя за то, что тогда случилось. Все-таки, ребенок же совсем, ну нельзя было все так спускать! Но тогда я не смог, сорвался. Спустил ей штаны и как следует отлупил...

Сначала она кричала и плакала. Но потом, чувствую — что-то вдруг изменилось. Истерика прекратилась, Юлька притихла, как мышка...

Однако внутри у меня еще все кипело.

— Вот и лежи тут, одна, без телевизора, — хнычь, никто не услышит, не пожалеет тебя! Никчемная пустышка, неграмотная, бестолочь. Кому от тебя польза, кого ты любишь?.. Можешь жаловаться на меня маме, я тебя не считаю больше своим другом, ты мне неинтересна! Ты злая и капризная! Я к тебе больше не приду, никогда. Не зови меня больше!

И я ушел, захлопнув дверью...

Вот так все глупо получилось. Глупо и недостойно... Потом я, конечно, остыл и простил ее. Казнил себя за случившееся. Отлупить беззащитного ребенка — много ли ума надо? А ты попробуй словами и примером! Я пробовал. Но видно, мало или плохо старался, не смог достучаться... Что же теперь будет, дальше, как я буду смотреть в глаза ее маме? Ведь Юлька непременно ей все расскажет. Значит, будет продолжение. И я ждал...

Но как ни странно, ничего не было! Юлина мама как ни в чем ни бывало здоровалась и тепло говорила со мной. Дни бежали, как и раньше, лето сменилось осенью, солнечные дни — дождями. Только Юлька больше не звонила мне. Да и я ей тоже. Почему-то не мог ни позвонить, ни зайти к ней, хотя душа рвалась сделать это. Что-то мешало. Какая-то тяжесть лежала на сердце и все лето не давала свободно дышать и радоваться жизни. Что-то скребло на душе, подспудно. Думал, что все, потерял я Юльку и ее дружбу, навсегда...

И вот сегодня — звонок! «Дядя Саша, приходите, я вас очень-очень жду!» И гудки... Но я сразу узнал ее голос: Юлька! Все бросил и сразу помчался — по грязи, на коляске, — в соседний микрорайон. К ней.

Юлька снова была одна. Едва открыла мне дверь — и... повисла у меня на шее. Стала торопливо целовать — в щеки, губы, нос, глаза. Я даже испугался! И задохнулся просто...

Она не дала мне даже раздеться, поволокла сразу в свою комнату. Раскрыла тетрадки и дневник — а там одни «4» и «5»!

— Дядя Саша, видите, я не бестолочь, — правда? Я могу учиться! Я уже три книжки прочитала, сама! Я всегда теперь смотрю по телевизору «Уроки для начальной школы» — они очень интересные, живые! Я маме помогаю, пыль вытираю, картошку чищу, лук перебираю, за молоком слежу!

Господи, Юлька, Юлька! Как же я люблю тебя — вот такую. Обнял я ее и поцеловал в щечку. А она прижалась. Гладит меня и шепчет: «Я вас еще больше люблю, как солнышко люблю!» И всё гладит, гладит...

Долго-долго мы с ней говорили тогда, до самого вечера — как никогда! И как никогда я был счастлив, словно какой-то невидимый камень свалился с души, томивший все лето. Мы сидели на кухне и пили чай с пирогом. И все говорили, говорили, словно боясь расстаться и вновь потерять друг друга. Рассказывали, как жили все это время, друг без друга...

Юлька мне все рассказала. Рассказала, как ненавидела меня в тот момент, как хотела наврать маме, что я бил ее и таскал за волосы. Но когда мама пришла, она ей ничего не сказала, а соврала, что упала с коляски, потянувшись за куклой. Про меня Юля вообще молчала, и дулась весь июнь. А потом решила доказать мне, что она не бестолочь, как я ее в пылу обозвал, — и стала читать. Мне назло! Она старалась, читала очень много (как ей казалось), читала вслух и про себя. И постепенно у нее стало выходить все лучше и лучше, за лето она прочитала весь «Золотой ключик» и «Дикие лебеди»... Потом незаметно пошел сентябрь — и вместо прочерков у



нее в тетрадках стали появляться четверки и пятёрки. Все удивлялись, а Юлька молчала... В октябре она поругалась с бабушкой, заявив, что будет играть с ней в карты только по выходным, потому что у нее началась школа! Телевизор она стала смотреть меньше, и не одни только сериалы, но и познавательные передачи, и телевизионные уроки для школьников. Уроки по телевизору ей понравились, — почти как в кино, и весело, ведь при объяснении там используют мультипликацию, отрывки из фильмов, все наглядно и интересно, и не заумно. К ней уже четыре раза заходили девочки и научили ее играть в «морской бой», а затем принесли почитать новую книжку — «Я теперь совсем большая». И убираться по дому она тоже научилась, стала маме помогать. Ведь уборку можно превратить в игру: будто пыль — это серый противный враг, который хочет украсть солнышко! А солнышко Юлька любила, поэтому с пылью очень скоро научилась справляться легко и играючи. Она убиралась — и играла...

И все равно она скучала. Сначала не очень. Потом все сильнее. А потом — нестерпимо... Вот тогда-то Юлька и попросила бабушку принести кусочек теста. И испекла пирог. Сама. Впервые в жизни! Бабушке же сказала, что это — для друга (та подумала — девочкам). А затем она набрала номер, глотнула воздуха — и позвонила...

Пирог был вкусный, с яблоками и морковью. Правда, он немножко подгорел и был с комочками в тесте. Но мне он показался тогда самым вкусным на свете!

Я ем, а Юлька все смотрит на меня, смотрит. И вдруг говорит:

— Я теперь не умерла для вас, правда? Вы будете ко мне хоть иногда приходите? Я не буду кричать, никогда больше не буду кричать и плакать понапрасну. Вы верите?

Ну разве я мог не поверить? Я верил, я и раньше верил, что когда-нибудь это случится. Должно было случиться...

А потом Юля взяла меня за руку, смотрит прямо в глаза и спрашивает:

— А вас в детстве, когда вы были маленьким, били по попе?

Я чуть куском пирога не подавился! Но честный вопрос, на него нельзя не ответить, нельзя обмануть.

— Били, — говорю, — Юль. И рукой, и отцовским ремнем, когда не слушался. Бывало, что пороли, и в угол ставили.

— А меня никогда не били... вот так. Это очень стыдно... Дядя Саша, простите меня, что я была плохой. Простите, что вас сильно-сильно укусила и кричала. За все простите...

— И ты прости меня, Юль, что кричал на тебя, а в конце отлупил понапрасну, зря.

— Не зря, не зря! Я... я поняла, за что...

Как же здорово мы тогда поговорили, и я уезжал домой, как на крыльях! Но перед уходом мы еще сыграли немножко в слова и в загадки, — Юлька попросила научить. Она быстро учится, и мы договорились продолжить игру по телефону, когда я буду свободен. А Юлька поклялась, что не будет в словари подглядывать, мухлевать, будет играть честно.

— А если буду обманывать, вы меня можете опять отлупить! — и смеется, заливаясь на всю лестницу. А потом серьезно:

— Я не буду обманывать, честное слово. А то вы не будете дружить с предательницей. А друзей у меня почти нет, из мальчиков — только вы.

Ничего, Юль, с мальчиками я тебя тоже подружу. Они, конечно, шалопутные, но парочку нормальных уж найдем. Глядишь, за зиму натренируешься играть в слова, в загадки и в другие умные игры — сама начнешь у них выигрывать! А среди девчонок друзья у тебя уже есть, они тебя не бросили, даже когда я перестал приходиться. Но я тебя тоже не брошу, Юль. И все у нас еще получится. Ведь самое главное — получилось!

Александр Андреев

В 2006 г. вышли в свет три новых сборника из книжной серии «Шаг навстречу». Напомним, она была основана в 2005 г. и объединяет авторские книги стихов поэтов-инвалидов.

Новые авторы серии — Андрей Казак (г. Чебоксары) Алла Зенина (п. Зимовники Ростовской обл.) и Андрей Цыпляев (г. Новомичуринск Рязанской обл.). Представляем на ваш суд некоторые стихи из их сборников. Надеемся, что они доставят вам огромное удовольствие.

НАША БИБЛИОТЕКА



*Андрей
Цыпляев*

ТРОПИНКА В ДЕТСТВО

* * *

Я совсем не виновата,
хоть в углу полдня стою.
А за что же наказали, —
я нисколько не таю.
Очень вкусный мёд цветочный
мама с рынка принесла.
В блюще лишь чуть-чуть отлила —
остальное убрала.
Мне, конечно, не хватило...
Банка с мёдом тяжела,
Вдруг упала и разбилась —
в общем, грустные дела.
Надо мёд держать пониже —
чтобы легче доставать.
Вот тогда-то не придётся
на два стула мне вставать!

* * *

У нас завёлся домовый
(он топает во тьме),
Шуршал газетой на полу
и подбежал ко мне.
И глазки страшно открывать,
я чуть жива лежу;
Вдруг он как фыркнет в тишине,
а я как завизжу!
И, одеяло подхватив,
к родителям бегу.
Поверьте, на веранде спать
одна я не могу!
Отец не стал меня ругать,
он молока налил,
И там, где падал свет луны,
он блюще водрузил.
Гляжу: из тёмного угла
явился «домовой».
Ведь это просто ёжик был.
Да маленький какой!

ГУСЬ

У калитки ходит гусь —
Я слегка его боюсь!
Косит глазом и гогочет,
Видно, он шипаться хочет.

Хворостинку брат мне дал.
«Ты не бойся», — он сказал.
Легко брату поучать:
Ему — девять, а мне — пять!





Алла
Зенина

ТАНЕЦ В ОБЛАКАХ

ЗАРЯ

Постой, заря, дыханье удержи!
Не трогай ночь лазурною ладонью.
Позволь мне досмотреть цветные миражи
И, неизбежное, отсрочь свиданье с болью.

Ещё чуть-чуть, заря, повремени! –
Мгновенья сна бегут калейдоскопом.
Я жизнь хочу в картину сочинить
Из этих фантастических осколков.

Заря, помедли день благословлять!
Показывает ночь мне счастья слайды.
Я звёзды радости в руках держу опять
И, может через миг, судьбы раскрою тайны...

Тогда вдохни, заря, и улыбнись,
Засмейся голосами птиц со мною!
И что мне боль, когда прекрасна жизнь,
Пусть даже и с такой изломанной судьбою.



РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ГАДАНИЕ

Я в полночь вышла взглянуть на звёзды,
Но неудачно (какой облом!),
В объятья – к вихрю, он выжал слёзы,
Поцеловавши колючим ртом.

И пригоршнями крупинок-бусин
Насыпал щедро: бери, нижи!
Как белый маг, сотворил искусно
Судьбы желанные миражи.

Я под гипнозом, на нитку ветра
Нижу из бусин колье мечты.
Самозабвенно творю и верю:
Алмазы счастья держу в горсти.

Очнулась, вздрогнув, когда иглою
Шальной морозец кольнул, шутя.
Исчезла сказка, а надо мною
Вовсю смеётся моя звезда!

* * *

Во мне живут и звери, и стихии,
Забутые старинные боги...
Космическая тайна звёздной стыни
Непрощено врывается в стихи.
Во мне живут...
Всё, что угодно, кто угодно,
Такую данность не могу сломать.
Во мне живут...
(заложено природой!)
Но где живу – сама?!

* * *

Кто-то хочет тишины...
Мне бы – звук услышать
Оборвавшейся струны,
Что давно не дышит

Умерла струна давно,
Захлебнувшись, плачем,
Так судьбою суждено,
А могло б – иначе.

Память бережно хранит
Многозвучность мира.
А струна – во мне звенит,
Воскресившись лирой.



Андрей
Казак

НОВЫЙ ДЕНЬ

* * *

Сегодня я смотрел в окно.
Шёл первый снег и таял,
Стекали капли по стеклу,
Как будто кто-то плакал.

И люди шли, и фонари
Им плохо освещали,
Что есть снаружи и внутри
И что они теряли,

Когда средь множеств впопыхах
Они пройти старались.
Лишь суета, лишь только страх
Снег в городе встречали.

А он всем нёс с собою свет,
Тропинку, ключик к детству.
Ах, люди, люди! это грех
Считать, что счастья нету.

Когда боязнь в груди не спит
И суета в ней правит,
Жизнь, точно снег, летит-летит
И под ногами тает.

* * *

Я к тебе подойду
В разгар суматохи.
Тихо скажу:
«Весна на пороге.
Там, за окном,
За стенами грустными
Дышит теплом
И светлыми чувствами

Мир золотой,
С счастьем повенчанный,
Вечный, простой, –
Нам предначертанный.
Ты своим сном
Больше не мучайся.
Хватит! Пойдём,
Сердца послушайся».
Скажешь в ответ:
«Не надо, пожалуйста!
Этого нет,
Это лишь кажется».
С чувством вины
Взгляну я в несмелые
Очи твои,
Грустные, бедные.
И опущусь
К ногам твоим, трепетно
Их обниму,
Чтобы поверила.

* * *

Нужно успокоиться...
Звёзды в небесах
Проглянуть готовятся
В тихий полумрак.
В сонном состоянии
Лес стоит стеной.
И горит в молчании
Свет печальный мой.
Маленький, мерцающий
Греет душу мою
В долгой нарастающей
Одинокой мгле.
Мыслями, ладонями
Я, как угли печь,
Свет мой ярко-огненный
Пробую сберечь.
Сквозь года холодные
Вместе – я и он,
Странникам подобные,
По пути идём.
И когда немилые
Нас сильней часы,
Тихими молитвами
Оживаем мы.
Смог я успокоиться.
Мирно в небесах.
День настать готовится,
Озаряя мрак.



Мне 38 лет. Родился в Тюменской области. В 1979 году семья переехала в Крым, для моего лечения. Сейчас живу в городе Симферополе. В связи с болезнью (ДЦП) вынужден постоянно находиться в квартире. Книги и телевизор на долгие годы заменили мне полноценное общение со сверстниками, природой, внешним миром. Большое влияние на меня оказала русская классическая литература, а также русские поэты 19-20-х веков. Очень люблю античную философию, люблю Канта, Ницше, и конечно же, отечественную философскую мысль в лице Соловьева, Ильина.

В 15 лет зародилась мечта стать поэтом. Пишу с 1999 г.

За это время вышли два моих сборника. После выхода второй книжки одна из местных организаций подарила мне компьютер. Теперь, с помощью палочки, которую держу в зубах, я могу самостоятельно набирать тексты, не обременяя больше этой работой родителей.

В 2005 году мои стихи трижды были опубликованы в различных журналах. Мне казалось, что, несмотря на мою оторванность от реальной жизни, от общения с интересными людьми мне есть что сказать людям, я хотел поделиться с ними своими мыслями и видением мира. Насколько это удалось — судить Вам.



Сергей Питаш

МОРЕ И РОЗА

Горделивое вечное море, увидевши розу, сказало:
«Коротка твоя жизнь, обреченности служит она,
Время страхом потерь твои дни наказало,
Смерть испытать заставляя по капле до самого дна.

Нежной манишь красою, которая тленна,
Значит ты, расцветая, коварным обманом полна,
В этом суть, сердцевина твоя сокровенна,
Чтобы рушить надежды, ты для этого миру дана»

«Да, конечно», — ответила роза, — «Сродни тебе вечность.
Но признайся, дружище, когда-нибудь ведало ты
Те мгновения счастья, что могут вместить бесконечность,
Увлекая твой дух за пределы земной тесноты?

Те мгновения, море, сильнее любого сомненья.
Ты не знаешь любви, а она лишь умеет свободой обнять,
Что пред этим печали с волною холодного тленья?
Им любовь у меня никогда ни за что не отнять!»



ЗАРИСОВКА

По морю сонному дорожку
Серебряным карандашом
Луна выводит понемножку,
Приметив тех, кто сняв одежду,
Гладь пересекают нагишом.

Прибой, покою отдаваясь,
Уставши в толчее дневной,
Лениво с берегом сливаясь,
Между камнями извиваясь,
Шуршит стихающей струной.

Напротив – эллингов решетки
Хранят проемы их окон,
В которых запах мидий, водки,
Разгоряченный смех красоты,
Что вышла с кем-то на балкон.

Кафе-медуза ждёт клиента,
Худел чтоб толстый кошелек,
Французской влагою абсента
Оно влечет под купол тента,
Где гаснет жажды уголек.

Кругом обрывки разговоров:
«Я старый с яхты снял насос...»
«Мой благоверный, точно боров...»
«Политик вымрет без раздоров...»
«У дяди Вани классный нос!»

Штрихом широким ночь кладется,
Ее же южный аромат
Истомным маревом крадется,
И отдыхающим дается
Отображать здесь свой формат.

ЧУДО

Ветку лежащую мальчик заметил,
Поднял с земли и домой с ней пошел.
В дверь постучав, на вопрос он ответил:
«Мама, тебе я подарок нашел»

В маленькой вазе, в плену умиленья,
Ветка стояла средь мартовских дней,
И нарушая законность явления,
Листик нежданный родился на ней.

ХЕРСОНЕС

Как поцелуй седой Эллады
Запечатлен здесь Херсонес,
В объятиях морской прохлады,
Покрытый куполом небес.

О, сколько дум его камня
Из временных черпают рек
С тех пор, когда свои селенья
Здесь заложил приплывший грек.

Быть может, возле той колонны
Сидел какой-нибудь старик,
Стремясь постичь земли законы,
Сократов отражая лик;

Напротив же, велась торговля
Под радостный монетный звон,
Рыбацкая в сторонке кровля
Хозяйский ожидала челн.

А вот стена, пред ней Владимир
Стоял, без права отойти,
Чтоб в нём Перунов идол вымер,
Он дух Христа просил сойти.

Омывшись в княжеской купели,
Младая Русь с крестом ушла,
Из православной колыбели,
Она свой новый путь нашла...

О, херсонесские каменья,
Сколь многое храните вы!
Минуют вас ветра забвенья
И гул изменчивой молвы.

Вы пишете свои заметки,
Отбросив сор пустых хвалеб,
И ставит тот на них пометки,
Кому подвластен смысл судеб.



Однажды чудесным майским вечером того же года я лежал на балконе и, пребывая в столь же чудесном расположении духа, читал про себя «Люблю грозу в начале мая...» своего любимого Тютчева. И так, читая эти строчки, начал засыпать... И вдруг совершенно неожиданно мой полусонный рассудок, находясь где-то между сном и явью, в такт Тютчевским стихам выдал мне такое четверостишие:

Шуршат обои молчаливо,
Часы счет времени ведут,
А за окном темно и сыро.
А на душе коты скребут.

Конечно, я тут же заставил себя встать и записать эти удивительные строчки. Удивительным для меня было не то, каким образом они ко мне пришли (что ж, я-то хоть еще не совсем спал, а вот Менделеев, к примеру, вообще во сне открытие сделал). Удивительным было то, как мне могла прийти в голову такая четкая картина, не имевшая ничего общего с действительностью! Ведь у меня птицы в душе пели, а тут коты какие-то. Да еще и обои. Просто фантастика!

Но эта фантастика имела свое продолжение. Месяца через два дождливым летним вечером я сидел дома в полном одиночестве и скучал. За окном было пасмурно и сыро, на душе — скверно (не то что кошки, а прямо коты скребут), а вокруг такая давящая тишина, что можно ясно слышать, как шуршат обои, поживаясь от сырости и одиночества... Вот тогда-то я и вспомнил это четверостишие — и понял, что оно не чье-то чужое, каким-то невероятным образом залетевшее в мое полусонное сознание, как я тогда было подумал. Это были мои строчки, даже обороты были моими. Просто написать я их должен был не в тот майский вечер, но чуть позже. А в тот вечер, впад в какое-то полусонное состояние, я как бы обогнал время и начал писать стихотворение, которое должен был написать через 2 месяца!

Впрочем, я его и так написал (точнее, дописал) через 2 месяца, так что ничего сверхъестественного не произошло. Все-го лишь небольшая аномалия. Но, видно, Поэзия склонная к таким аномалиям. И конечно, они еще не раз происходили, и еще не раз, находясь в некоем пограничном состоянии, мое сознание ловило какие-то мысли, строчки и даже мелодии. Но ведь если каждый раз пытаться записать все это, то можно совсем лишиться сна! Так что я скоро привык и стал более малодушным, чаще предпочитаю сон поэтическим странностям. Но все же один случай я просто не мог не запомнить.

Как-то я заболел, и мне было далеко не до стихов. Но в какой-то момент мне почему-то показалось, я как бы почувствовал, что кому-то другому тоже плохо, и даже хуже, чем мне. Я так ясно это ощутил, что совсем забыл о своей температуре. Я очень отчетливо чувствовал этого человека и даже смутно понимал причину его боли. И тогда я заговорил с ним. Заговорил стихами:

*О друг, прошу, не надо плакать,
Не надо дуться на судьбу.
И в нашем доме будет праздник,
Ты только верь в свою звезду.*

Вот так, валяясь в постели с высокой температурой, я непонятно отчего и для кого написал стихотворение «Алмаз». И странное дело: мне показалось, что мои слова дошли до кого-то, и кому-то стало легче. И мне тоже стало легче. Температура резко спала, болезнь стала быстро уходить, и очень скоро я совсем оправился от нее.

Такие вот чудеса! Выходит, Поэзия действительно способна на многое, и это не просто красивые слова. Возможность почувствовать чужую боль, чужую радость, возможность помочь кому-то сквозь пространство и время, сквозь сотни стен, отделяющих людей друг от друга — разве это не удивительно?! Вот вам и прохождение сквозь стены, вот вам и полет души!

Но и это еще далеко не все. Пожалуй, самое интересное в Поэзии — это само творчество, сам процесс рождения стиха. Это во многом похоже на игру, но игру с закрытыми глазами...

Многие полагают, что в поэтическом творчестве сначала рождается мысль, идея, тема стиха, а потом уже вокруг этой темы складываются слова и рифмованные строчки, раскрывая и углубляя ее. Да, порой так и бывает. Но чаще бывает как раз наоборот: идеи, темы, сюжеты вырисовываются потом, а сначала... Сначала приходит то, что называют вдохновением. Или Музой. Как у Ахматовой:

*Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке?*

И вот, эта милая гостья приходит и, завязывая тебе глаза, уходит в иные миры. Вдаль... И начинается игра. Таинственная игра с закрытыми глазами. Игра, ибо главным образом это — игра воображения. С закрытыми глазами, ибо поначалу ничего не видно: ни замысла, ни контуров будущего творения, ни даже смысла и цели происходящего. Лишь неуловимая, непостижимая игра легких рифм, слов, строчек, чувств и ощущений, мимолетных видений, призрачных грез... Это загадочная головоломка, которую предстоит разгадать, это импровизация, это — творчество! И ты включаешься в эту игру, пытаешься найти, пытаешься угадать в этом головокружительном танце призрачных форм некий тайный смысл и высшую красоту, пытаешься собрать тот замысловатый узор, который всё смог бы объединить.

Но обычно это продолжается недолго. Обычно уже после первых найденных строчек повязка спадает, и ты начинаешь различать контуры будущего творения и понимать, что ты хочешь написать, и как хочешь написать. Начинается новый этап творчества, где меньше игры и фантазии, но больше работы, целенаправленной

работы. Но иногда бывает так, что повязка не спадает очень долго. Порой она не спадает до самого конца, и всё произведение пишешь с закрытыми глазами...

И тут появляется еще одна загадка Поэзии: как можно с закрытыми глазами создать что-то не только непротиворечивое, но и полное глубокого внутреннего смысла и красоты? Это же все равно что слепому пройти сквозь стену (еще одно неожиданное сходство!). Но ведь именно так были написаны «Монолог», «Ангел» и даже целая сказка! А если с закрытыми глазами можно написать сказку, то почему бы таким же образом не получить ответ? Подобное подобным...

Да, так оно и вышло, и именно «Светлана или утренняя сказка», несмотря на внешнюю простоту и некоторую наивность, оказалась достаточно глубокой и помогла мне во многом разобраться. Она и началась-то очень необычно. Представьте, что вы просыпаетесь утром и как будто слышите слова: «Саша, привет! Вы меня помните?», хотя во всей квартире нет никого, кроме солнечного света, яркими столпами врывающегося в комнату через незашторенные окна! Не правда ли, просто сказочная ситуация? Но я-то уже знал, что настоящий поэт должен быть еще и немного сказочником, и поэтому сразу понял, что со мной разговаривает именно солнечный свет, как бы приглашая сыграть с ним в сказку. И я вдохновенно включился в эту игру, в результате которой через трое суток и появилась «Утренняя сказка».

Я писал её «вслепую», не понимая, не осознавая внутреннего смысла разворачивающихся в сказке событий (а они не «сочинялись», они именно разворачивались, прямо на моих глазах! я как бы придумывал эту сказку, играл в нее, а потом просто искал слова и рифмованные строчки, чтобы описать это всё стихами). Я не понимал, я лишь чувствовал, смутно догадывался, что в этой сказке есть какой-то незримый план и скрытый смысл (на то она и сказка). И лишь поставив последнюю точку, я вдруг понял её глубин-

ный смысл, понял всё и сразу, почти мгновенно! Я понял даже то, что по-другому не смог бы её написать, «с открытыми глазами». По-другому вообще трудно написать что-то необычное. Ведь именно блеск всего того, к чему мы привыкли и чем мы дорожим, мешает нам увидеть что-то другое, главное. Об этом писал еще Экзюпери в «Маленьком принце»: «Главное то, чего не увидишь глазами».

Вот почему там, в «Утренней сказке», во время вальса среди звезд я не смог увидеть того, что мне хотела показать Светлана. Я не понял ее слов («Не говорите! Не говорите же!»), я не понял ее взгляда («Взгляд в никуда, взгляд во вселенную»), я не понял ее слез и решил, что она плачет из-за того, что не видит красоты звезд, которыми я дорожил и которые хотел подарить ей. Я решил, что она слепая. Ведь как часто встретив человека, не обращая внимания на всё то, что нам дорого, и смотрящего как бы сквозь нас, мы принимаем его за слепца! Как часто взгляд, направленный во вселенную, мы принимаем за слепой... Но кто же действительно слеп: тот, кто видит лишь блеск красивых предметов, или тот, кто не обращает на них никакого внимания, ибо видит что-то другое? Ведь взгляд в никуда можно понять не только как слепой, но и как видящий то, чего не видишь ты, — и потому направленный туда, где, по-твоему, ничего нет! Всё зависит от того, как посмотреть на это. Но если ты сам слеп, то и свет для тебя будет тьмой. И речь тут идет вовсе не о физической слепоте и не о солнечном свете (неслучайно в конце сказки я вижу другой свет, не солнечный — утренний)! Ведь кроме физического зрения есть еще и другое, и

порой даже с закрытыми глазами можно увидеть то, чего не видел раньше с открытыми. Так что страшна не физическая слепота. Ведь глазами все равно главного не увидишь — для этого нужно немного души и воображения. Как сказал солнечный свет,

*Вы же поэт!
Что ж вы не знаете:
видеть меня
можно без зрения,
были б душа
и вдохновение.*

Душа и вдохновение — вот и все, что нужно, чтобы проходить сквозь стены, сквозь пространство и время, писать стихи с закрытыми глазами и многое, многое другое!.. К сожалению, в нас еще много духовной слепоты. Мы привыкли видеть лишь то, что хотим видеть. Так проще, это снимает многие вопросы, это ограничивает, но и уменьшает ответственность. В результате мы замыкаемся в своем маленьком искусственном мире, ограждая стеной от всего остального. А потом мы привыкаем к этому, это становится обыденностью, и вскоре мы перестаем даже подозревать, что кроме нее есть что-то еще. Но ведь есть, есть иная даль и иной свет (не только солнечный)! И есть душа. Ее можно не замечать, на нее можно не обращать внимания, но она есть. И порой достаточно всего лишь закрыть глаза и немного помолчать, чтобы понять это...

Впрочем, глаза тут ни при чем. Пожалуйста, играй с открытыми глазами, если тебе не мешает блеск красивых предметов. Только пусть эта игра будет чистой и честной, как у детей. И тогда, я уверен, никакие стены нам будут ни по чем!

В этом номере мы решили сделать довольно серьезный шаг. Журнал начинает публикацию большого по объему произведения — повести Л. Андреевой. Мы надеемся, что вы будете иметь возможность прочитать до конца это искреннее и талантливое повествование о Жизни, которая кипит везде — в том числе и за больничными стенами.



Людмила Андреева

КОГДА УХОДИШЬ ТЫ...

(почти документальная хроника больничных будней)

г. N***, ГИТО

17 октября 198... г.

Я снова нахожусь в институтской клинике...

Когда находишься в окружении незнакомых людей, под их изучающими взглядами, чувствуешь себя не очень уютно, и очень хочется плакать. Первая попытка наладить контакт с жителями 223-й палаты не удалась. Чтоб хоть как-то отвлечься и занять себя, села писать.

В палате — семь человек. Если по порядку, как находятся кровати от двери, то будет так: двенадцатилетняя Оля, шестнадцатилетняя Марина, Лена — ей девять лет. Наде — четырнадцать, и вероятно, самая старшая — Нина. Я лежу между Надей и Ниной. Как я

заметила, Олю почему-то недолюбливают, а вот почему — не могу понять... Все в нашей палате лежат с ногами, большинство — это «укорочение», что вытягивают аппаратом по методу Илизарова. У Нины такой аппарат на бедре правой ноги. Марине и Оле это еще предстоит. Дина косолапила, теперь ее нога полностью в гипсе, а Лена и Надя с ДЦП, как у меня, но в более легкой форме. Лена ходит сама, а Надя ползает на костылях. Я вот написала «в нашей», а сама думаю, что навряд ли скоро привыкну.

...Меня, судя по всему, встретили недоброжелательно. Не могу понять, чем я им не понравилась... Или их настораживает мое единственное средство

передвижения — кресло-коляска (я не могу самостоятельно ходить)? Обидно: смотрят на меня как-то недовольно, вроде быговоря — ну вот, положили ту, за которой особый и индивидуальный уход нужен!.. А я все делаю сама. Слезы так и подступают, как бы не зареветь, вот будет номер!

Мы с Лидой (моей близкой подругой) вчера просидели почти полдня — смеялись и грустили, разговаривая, вспоминали наши детские и школьные годы, строили планы исходя из того, что неопределенное время мне придется провести в больнице... У меня много подруг, но она мне всех дороже и ближе, и, к слову, еще наши матери дружили.

Из палаты я почти не выхожу, пока стесняюсь... Да и «повезло»: в первый же день моего пребывания — дежурит медбрат. Среднего роста, смуглый и черноволосый — вероятно, студент мединститута. Смотрит так, будто хочет сказать: а это что за птица такая?.. Когда меня только привели в отделение (я в этой клинике лежу повторно, правда, в первый раз я лежала в другом отделении, и это было года четыре назад), познакомилась с одной девчонкой из К***, Ирой зовут. Лежит она на обследовании, что-то с ногой, хромает. Вроде бы девчонка ничего, хорошая. Недавно заходила сюда, ко мне, и мыпоговорили немного.

Скоро отбой. Нина куда-то ушла, и без нее все стало как-то разговорчивее... чувствуется, тиранит она тут всех. К Марине пришла Света из соседней палаты, сидят, разговаривают о разном. Несколько раз заходил медбрат, гонит Свету, а она и «в ус не дует».

Заметил, что я сижу и пишу.

— Спать надо... укладывайся!

Я это пропустила мимо себя. Малыши улеглись, Нины нет, Марина со Светой сидят, а я жду, когда потушат свет.

18 октября.

Вчера несколько раз заходил в палату медбрат, гнал от нас Свету.

И наконец, выйдя из терпения, сказал:

— Девчонки, ну, в самом деле, спать пора, уже десять!.. — и мне. — А ты долго еще сидеть будешь?.. раздевайся!

Я, не очень-то любезно (а что он, в самом деле!):

— Как же, сейчас прямо все и сниму... — и отвернулась.

Это, видно, его не смутило (такого, пожалуй, смутишь! сам кого угодно в краску вгонит!):

— Ну, я свет потушу, смотрите у меня...

— Выключай, Саш, он нам не нужен... — крикнула Марина, когда он уже закрыл дверь.

Свет потух, и вдруг Света спрашивает у меня:

— Тань, а у тебя есть жених?

Я удивилась:

— Зачем тебе это?

— Просто так. Есть?

— Ну... допустим.

— А у меня в армии. А у тебя?

Я смолчала. Говорить не хотелось. А она все сыпала и сыпала свои вопросы, так, что я, не выдержав, сказала:

— Давай не будем на эту тему говорить, а?..

Потом, по очереди, вслух читали стихи.

Сразу после завтрака пришла мой врач Лидия Константиновна (Л.К.). Она и тогда, когда я лежала тут впервые, лечила. Наш палатный врач — Сальников Сергей Семенович, симпатичный и молодой. Но ко мне он не имеет никакого отношения, лечить меня будет единственная и неповторимая Л. К.!

— Ты в палате-то сиднем не сиди, выходи в коридор, и не стесняйся, тут все больные. Будь смелее, увереннее! — ободрила меня она. — А тут тебе не дует от окна? Может, тебе лучше перелечь?

— Да нет, не надо. Мне здесь хорошо.

Но все же, когда я вернулась из процедурного кабинета, где сдавала кровь, с удивлением увидела Надю на своей кровати, а свои вещи сложенные на ее аккуратно заправленной постели...

На мой недоуменный вопрос: «как это понимать?» — ответили лишь пожатием плеча и словами:

— Так велели.

Так что, теперь мое место в середине, между Леночкой и Надей, в простенке между окнами. Да, но мне такая забота, увы, не нравится. Это получается, что меня считают тепличным растением?..

Длинный коридор, а по обе стороны — палаты. Столовая с телевизором и пианино находятся рядом, что очень удобно. И еще не очень-то приятное соседство: прямо у нашей палаты находится второй медсестринский пост.

Познакомилась с некоторыми девчонками. Среди них Ленка Шайтанова — сумбурная девица тринадцати лет. Лежит она в соседней палате с укорочением ноги, ждет операции. И постоянно находится (а вернее будет сказать, что вертится) здесь, у нас. Вот и сейчас она тут, подобно трещотке, болтает о чем-то своем. Я тем временем написала Лиде письмо. А в воскресенье, наверняка, придет моя подруга Ольга.

В библиотеке (по вторникам здесь бывают работники детской библиотеки, и книги, соответственно, детские — сказки, рассказы, прочитанные мною ранее произведения) заказала Блока, обещали принести.

20 октября.

Ну, что — вроде, живу, привыкаю. Скучаю очень, хоть и знакома со многими. Трудно что-то стало находить общий язык с другими, видно сказываются года, проведенные в четырех стенах почти в одиночестве. Ежедневно бывают стычки с Маринкой из-за Леночки. Кричит на нее, а та, бедненькая, аж вся сжимается.

Говорю ей, что так нельзя, а она кричит:

— Не заступайся! Дай им (малышам) только волю, они на шею сядут! Вот пройдет время — сама убедишься во всем, и еще спасибо скажешь...

Да, педагог из нее выйдет «отменный» — опасно таким доверять детей,

испортят. В конце-то концов, нельзя идти на поводу у своего настроения. Дети подобно лакмусовой бумажке проявляют наши пороки, реагируя на них частенько не в лучшую сторону. Это своеобразная ЭВМ — что в нее заложить, то и выдаст, да еще при том в таких комбинациях — потеряешь дар речи! Конечно, Маринка — единственная дочь у родителей, больна, избалована без меры... ой, опять я спешу с выводами! Сколько раз говорила себе, чтобы не торопилась осуждать человека, не узнав его хорошо! Так же нельзя!.. Это-то и губит меня. Но, что теперь делать, раз я такая — остается только исправляться.

23 октября.

Как и ожидала, сегодня пришла Ольга. Ее ко мне еле пропустили, и то лишь после того, как она назвалась моей сестрой. На следующий раз мне надо будет у врача попросить пропуск. Мы тут раньше вместе лежали, подружились, и все эти годы переписывались. А в мае этого года она была у меня в гостях.

Выходные дни в больнице (а сегодня воскресенье) особенно тянутся и кажутся бесконечными. В тихий час я немного вздремнула, что со мной бывает крайне редко, и девчата мне доложили о том, что по мне ползал таракан. Меня от отвращения всю передернуло... их тут великое множество, и частенько они вылезают из своих щелей даже при свете дня, не боясь найти свою погибель.

Я их боюсь, но не до такой же степени, чтоб как наша Нинка посреди ночи вскакивать и, цепенея от ужаса, страшным шепотом на всю палату орать:

— Ма-ари-инка, т-т-та-ара-акан!..

И бедная, взлохмаченная сонная Маринка встает, берет тапку и шлепает к противоположной стене, где находится Нинкина кровать. Слышится глухой шлепок о стенку и возня, — ищут труп таракана и отодвигают кровать от стены на безопасное расстояние в том случае, если тот успел скрыться. Тогда Нинкин покой (да и наш тоже) нарушен. То и дело раздаются громкие вздохи и восклицания:

— Боже, на мою голову!.. мама родная, я теперь не усну...

Наконец, измученная этим, Маринка раздраженно говорит:

— Да ладно тебе, Нин, кончай! Не съест же он тебя!..

В большинстве случаев, после этих слов палата погружается в долгожданную тишину. Это-то ладно, терпеть еще можно. Но когда тараканы умудряются попасть в и без того не очень аппетитную больничную еду — супы, щи и в разные другие блюда, включая макароны, подливу и котлеты — то уже до того отвратительно, что мало кто притрагивается к своей порции. В большинстве, утром довольствуемся булочкой с маслом и чаем, в обед еще смотрим, что дают, если же что-то съедобное, то многие жуют так, будто заставляют есть под угрозой расстрела. Но стоит кому-то отодвинуть, подозрительно молча и тихо свою порцию — все сразу равняются на него. На ужин эта история повторяется. Живем можно сказать впроголодь, и лишь на домашних запасах. В выходные дни наезжает многочисленная армия родственников-посетителей, и наши холодильники набиваются всякой всячиной, которая уничтожается в течение рабочей недели. Живущие вдалеке в наличии имеют деньги — можно делать знакомым заказы на продукты питания. Так и живем, отравляя друг другу жизнь (имею в виду тараканов). Ну вот, получилась целая «сага о тараканах»...

С самого первого дня началось мое усиленное лечение — бываю в зале лечебной физкультуры, различные процедуры, глотаю таблетки и микстуры, делают сразу по три укола (правда, бывало и больше...), — живого места на мне скоро, боюсь, не останется.

26 октября.

Ох уж этот Саша! Какой у него нехороший взгляд. Смотрит так, что кажется, буравит тебя насквозь глазами — так и хочется спрятаться. Сегодня снова его дежурство...

Ко мне приехала мама, и мы пошли в ванную, а оттуда выходит такой детина

на костылях, с аппаратами Илизарова на обеих ногах, мокрый и растрепанный!.. — ну прямо настоящий «мокрый петух» (потом мне девчата сказали, что это Петя Азаматов)! Я еле подавила смех в себе — нехорошо. А он встал на пороге — и ни туды, и ни сюды, смотрит ошалелыми глазами... а когда мы с мамой, наконец, зашли в ванную, — там настоящий потоп! — воды налито... ужас. Обратно шли — Саша буквально сверлил взглядом... ей-ей, если он на каждую девчонку так смотрит, то у него скоро вместо глаз дыры будут, протрет! В этом я уверена.

А про Азаматова мне вот что еще девчата рассказали. Когда он возвращался из Армии домой, автобус, в котором он ехал, попал в аварию. Где-то около года провалялся в больнице, а потом его отпустили с аппаратом на ноге домой, отдохнуть. Не поняла, то ли на обратном пути, то ли когда из больницы ехал — этот автобус будто опять перевернулся, Азаматов сломал и вторую ногу. К тому же, от сильной боли у него, говорят, в голове помешалось. Не знаю, что тут правда, а что вымысел, но Азаматов и правда производит впечатление не вполне нормального... Все в коридоре шарахаются от него в разные стороны, никому не хочется получить от него костылем по голове (он при мне замахнулся даже на медсестру). Да и когда он ходит по коридору, во все горло орет похабные песни. Его все боятся, включая молоденькую врачиху Варнакову, ведущую ту палату, где лежит Азаматов. Только заведующий отделением Введенский имеет на него какое-то влияние.

30 октября.

С Наташей сидели, болтали на нашем постоянном месте, у окна — в конце коридора. Там стоят два кресла. Интересная женщина, она работает воспитателем в детском саду. Ей лет под тридцать, не замужняя. Но видно, что третий орех... Лежит с переломом руки. Ольга пришла к часу, когда раздавали обед, и очень обиделась, что мама не зашла к ним. Оставила подробное описание, как до

них доехать, и взяла с меня обещание, что в следующий раз мама обязательно к ним зайдет. Я еще похвалилась — показала, как я стою.

Летом, когда мы были на консультации в столице, нам сказали, что я больше не встану на ноги (а в детстве я могла, придерживаясь, ходить), что это все... И чтоб моя болезнь не прогрессировала дальше (я иначе вообще не буду вставать с постели!), посоветовали проходить по два курса лечения в год по месту жительства... Удивляюсь сама, как я это перенесла. Ни на миг меня не оставляло ощущение пустоты, безысходности, безразличия ко всему. Какого же было удивление мое и Л.К., когда я, буквально через неделю моего пребывания здесь, стала стоять, чуть придерживаясь за тумбочку или спинку кровати. Это стало настоящим чудом, на которое я и не надеялась. У меня появился проблеск надежды, и мне очень хочется удержать ее... но как? Ведь она мелькнет и тут же исчезает в недоступной дали. Дразнит и смеется...

В тихий час, незаметно для себя, немного вздремнула. Хотела встать, а меня будто током прошло! — на мою левую здоровую (а точнее, опорную) ногу невозможно было наступить. Я чуть было не расплакалась от боли и обиды.

А Нинка злорадно заметила:

— Не надо было хвастаться перед подружкой!.. вот, теперь будешь знать! Наука!..

Эти слова я пропустила мимо ушей. Попросила девчат позвать медсестру, а оказалось, что на нашем посту дежурит Саша. Он и пришел, расспросил, ощутил ногу.

— Ну, что... надо думать — растяжение. Лежи.

Все же, какой у него взгляд нехороший, наглый. От такого лучше на всякий случай держаться подальше, на расстоянии.

31 октября.

Очень скучаю по дому... хорошо, хоть немного письма развевают грусть. Одно

или два почти каждый день получаю — от знакомых, подруг...

Незадолго до отъезда я проколола уши, теперь они почему-то загноились... ужас. Я хотела у медсестры попросить спирт, чтоб их обработать, но меня напугала Нинка.

— Медсестры вредные, не дадут, да еще отругают, подумают, что ты тут проколола — ведь у тебя серьги маленькие, в глаза не бросаются. Да и ты почти всегда с распущенными волосами, золото не сразу разглядишь, — в ее голосе была слышна ирония. — Их врачи ругают, если они больным уши прокалывают... Ты лучше у Саши спирт попроси. Он даст, если конечно, хорошенько попросить.

Она так выделила это слово «хорошенько», что мне без комментария стало ясно, как именно надо попросить. Нет уж, милочка, спасибо за совет, но у него я просить не буду. Ни по хорошенькому, ни по плохому, вообще никак! Из принципа. Как он, так и я. Что это я буду о чем-то его просить, а он мне нервы мотать?! Как недавно было: сильно болела голова, а температуры не было. Пошла просить таблетку цитрамона или анальгина к нему (он снова был на нашем посту), так он меня замучил своими вопросами.

— А зачем?.. а почему?.. а кому?.. у тебя ведь температуры нет... — еще раз измерил ее у меня, удостоверился. — Ну, что... нормальная. Не дам.

Вот. Ну как с ним еще разговаривать?.. — я говорила с ним, как и полагается разговаривать больным с медперсоналом. Не сюсюкать же с ним, как с малышом ясельного возраста. Тогда, после его слов, у меня начисто отпала охота с ним общаться, и я, повернувшись, ушла. Весь оставшийся вечер лежала, мучаясь головной болью. Таблетки он мне так и не дал. Это такой вредный тип, каких я еще в своей жизни не встречала.

А сейчас было такое!.. не пойму, как только я решилась, и откуда у меня взялось столько смелости? Ладно, буду по порядку.

Ленка Шайтанова возила меня по коридору (в палате у нас проветривали). На посту, возле нашей палаты, сидел медбрат богатырского телосложения (Саша рядом с ним просто спичка!). О нем я много слышала, но до сегодняшнего вечера не видела. У него круглое татарское лицо, он, как и Саша — черноволосый. На вид где-то лет двадцать шесть, а может и больше. О том, что с откровенным интересом следит за мной, мне тут же сообщила Ленка. Она болтала с ним запросто, как впрочем, и со многими другими, пока я смотрела телевизор. Потом подошла Надька Погодина (господи, как она мне тут, в палате, надоедает со своими вопросами и любопытством!) и начала канючить...

— Та-ань, ты не будешь меня ругать?

— Ну, чего еще натворила?

— А ты скажи, не будешь?

— Не знаю, смотря что...

— Я валерьянку пролила.

— Молодец!.. — я вздохнула облегченно, ничего страшного не произошло, просто мне не придется пить эту гадость.

— Я сейчас у Кости попрошу.

— Ты что, не надо!..

И все равно пошла к нему...

Медбрат подошел ко мне и, улыбаясь, спросил мою фамилию. Так что, мне пришлось у него на глазах пить валерьянку, будь она тыщу раз неладна! Я потом у Шайтановой спросила, даст ли он спирт, если попросить. А она сразу потянула меня к нему.

— Кость, вот, с тобой хотят поговорить.

Чувствую, как мои щеки заливают жар, и была готова плюнуть на все, но отступать уже поздно. Ладно, Ленка была рядом... теперь, когда это все позади — все кажется смешным, а тогда было не до смеха.

— Костя, а вы не можете мне дать немного спирту?

— Ваку со спиртом?

— Нет, спирт.

Он так посмотрел на меня...

— А для чего?

— Надо...

— Ну, надо, а для чего?

Я беспомощно смотрю на Ленку, боясь проговориться, сказать правду — кто его знает, как он отреагирует... и упавшим голосом проговорила:

— Если не можете дать, так и скажите...

— Нет, дать-то я дам, но ведь должен же я знать — для чего?

— Ну надо. Не надо было б, я бы и не просила...

— Нет, ну для чего? — тут он, видимо, почувствовал мое желание повернуться и уйти. — Я должен это знать. А то вы напьетесь, и будете на все отделение песни распевать... — все это время он смущенно улыбался, и на его лице горел румянец.

— Можете не беспокоиться, я не пью, — теперь настала моя очередь смущенно улыбнуться, и через мгновение, я услышала:

— Сколько?

Он мне дал полмензурки и перелил его в пузырек. Я теперь живу!

1 ноября.

Сегодня, возвращаясь с рентгена, ехала обратно по соседнему отделению взрослой травмыодна. Было страшновато. Несколько раз слышала, как кто-то окликал меня по имени (а меня ли?..) Уже возле двери на площадку я обернулась — какой-то парень с аппаратом Илизарова на руке махал мне (а мне ли?..) здоровой рукой.

Я уехала. Кто это, интересно?..

Сказала Сальникову о больном зубе.

Пришла врач-стоматолог, посмотрела и говорит, что дупло маленькое, залечат. Только когда?

7 ноября.

Праздник. Скучно, прямо тоска зеленая, делать совершенно нечего. Сижку по вечерам в коридоре, у окна. В палате не хочется. Тесно мне тут почему-то... здесь все такие наблюдательные. Глазами, кажется, прямо душу выворачивают. Не могу. Одна Надька Погодина чего стоит! А дотошная до

чего!.. Все-то ей надо знать! Иной раз такие вопросы задаст, что просто диву даешься. Откуда чего берется... угловатый некрасивый подросток маленького роста. Да и на вид ей десять лет с трудом дашь. Некрасивая? — да, пожалуй... один ее большой рот чего стоит. Но при большом желании, в ней можно найти немало привлекательного. Иногда я ловлю себя на том, что люблю Надькиной нескладностью и некрасивостью. Наверно, это звучит довольно-таки нелепо. Но, я действительно люблю ее... что-то в ней есть от той, какой она может стать лет через пять, а то и меньше. Ну и что, что она некрасива и больна! Она ведь человек прежде всего... У Заболоцкого есть такие стихи про некрасивую девочку:

...И пусть черты ее нехороши

И нечем ей прельстить воображенье,

Младенческая грация души

Уже сквозит в любом ее движенье,

А если это так, то, что есть красота

И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота,

Или огонь, мерцающий в сосуде?

Иногда мне кажется, что это про нашу Надю... хотя, тут более трагичная реальность... Как будет ей тяжело, когда в ней проснутся первые чувства... К тому же, у них многодетная семья. Отец пьет и скандалит. Ее это очень угнетает. По ночам, бывает, слышен ее шепот: «Господи, только бытам все было хорошо!» — и у меня сердце сжимается: «там» — это дома. И ее глаза, порой такие печальные...

Поразительно, что бывает, люди, испытывавшие одну и ту же боль, страдания, трудности и лишения судьбы, имеют разные взгляды на жизнь. Они совершенно по-разному видят одни и те же вещи, по-иному понимают и осознают реальность. Одни ожесточаются, замыкаются в себе, радуются чужой неудаче и боли. Другие живут, инертно плывя по течению, и если их не остановить — так и будут «плыть», живя по принципу: я знаю, что это плохо и больно, но чем

могу помочь я? Лучше не тревожить себя! Это хуже, чем равнодушие... А третьи пытаются помочь всем и вся. И, несмотря на многочисленные синяки и шишки, полученные в так называемых битвах за справедливость, остаются на всю жизнь с наивными, открытыми душами и с добрыми милосердными сердцами. Только позови — и сразу же, хоть и самих подкосил недуг, несмотря на жестокие удары и плевки (порой даже от своих братьев по несчастью) ринутся на помощь. И вообще, бывает, одно смешано с другим, и очень трудно понять — где истинная, настоящая дружеская рука, а не осторожный лицемер, ханжа и невежа, выжидающий лишь удобный момент...

Сейчас пришла Нинка. Через минуту опять начнет ныть:

— Фу, задыхаюсь, дышать нечем! Таня опять обрабатывала уши духами!.. надо открыть форточку... ну, ты же прекрасно знаешь, что у меня аллергия!

Да, все мы прекрасно знаем, что у нашей Ниночки нет аллергии только на духи выше двадцати рублей, или же, например, французские. Но я не виновата, что мне (да и другим тоже) не дарят таких... ну, а самим покупать — бюджет не позволяет и приходится довольствоваться тем, что есть. Наподобие моих, ленинградских духов «Киевский каштан»... но почти все девчата душатся ими из-за их приятного запаха. И чего она? Завтра дежурит Костя, надо будет попросить еще немножко спирта... даст, наверно.

Дни тянутся отвратительно медленно. Много успела передумать за это время, все в памяти перебрала... Наверное, я все же сама виновата в том, что все получилось так. Кто же еще?.. Горько... Горько, что для Максима я, вероятно, ничего не значу.

Вот такие вот пироги.

Продолжение —
в следующем номере

Ольга Володькина

г. Рязань

ЗИМНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Тихо падают снежинки,
Заметая всё кругом.
Светит грустный месяц робко
За узорчатым стеклом.

Льётся бледный свет печально,
Серебром сверкает снег,
И мигают звёзды грустно
Нам с полуночных небес.

Всё уснуло сном глубоким,
Вся природа замерла:
На реке не плещут волны –
Реку льдом мороз сковал.

И деревья-истуканы
Онемелые стоят,
На чудесный белый саван
Их похож теперь наряд.

Даже ветер шаловливый
Приздумался, утих.
Снег ложится покрывалом,
Шалью на ветвях висит.

Тихо падают снежинки,
Заметая всё кругом,
Укрывают нежно землю
Чуть искрящимся ковром....

ЛУЧШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ НА ЗЕМЛЕ

Почему-то звёзды стали ярче,
Лёгкий ветер колыхнул кусты.
Ночь укрыла, словно чёрный бархат,
Наши мысли, чувства и мечты.

Время вдруг совсем остановилось,
И часы замедлили свой бег,
Чтобы это чудное мгновенье
Длилось бесконечно много лет.

И от счастья всё затрепетало
И забилося сердце вдруг в груди.
На душе легко и ясно стало.
И надежда появилась впереди.

И отбросив глупые сомненья,
Я скажу, что я тебя люблю.
И счастливое сие мгновенье
Навсегда я в сердце сохраняю.

Алексей Кошкин

пос. Разъезд Мыслец, Чувашия

* * *

Где клонится мирт над рекою
С веселой играя волною,
Я там под плитой гробовою
Вкушать буду вечный покой.

Воробышек в лето влюбленный
И славный певец соловей
Пленившись листвою зеленой –
Немножко понежатся в ней.

Приди, дорогая Надежда,
Прошу, на могилу приди.
Навеки замолкшая лира
Пусть белой коснется груди.

Быть может, на камень унылый
С весной голубки прилетят,
Чтоб свить над моею могилкой
Гнездо для своих голубят.

Уйду я из бренного мира,
Последний услышишь ли вздох –
Тебе я оставлю, Надежда
Засушенный в книге цветок.

Насколько его я лелеял,
Едва ли ты можешь понять...
В тот день, как ты стала моею –
Дерзнул у тебя его взять.

Стал символом чувства и боли
И тяжких мучений залог...
Пусть ляжет на грудь твою снова
Засушенный в книге цветок.

Алексей Фленов

г. Шумерля, Чувашия

НОЧЬ И ТИШИНА

Ты моя душа, но я тебе не верю.
Тихо не спеша, крадешься ты под дверью –
Сядь и подожди, Расскажи, что было...
За окном дожди и ты меня забыла!

Ночь и тишина вновь пришли за нами.
В небе лишь луна, там за облаками.
Светит нам она и горит над нами.
Бледная луна, будь всегда ты с нами!

И теплом дыша, я тебя согрею.
Листьями шурша, дождь пройдет, я верю.
Эту ночь прости. Ночь сердца разбила...
Только не грусти, все же ты любила!

Ночь и тишина вновь пришли за нами.
В небе лишь луна, там за облаками.
Светит нам она и горит над нами.
Бледная луна, будь всегда ты с нами!

Оксана Ожерельева

г. Рязань

* * *

«Человек ко всему привыкает» —
Так в народе не зря говорят.
Время жизни все притупляет,
И не стоит глядеть назад.
Надо жить, несмотря ни на что,
Пока дышишь, в ладах с умом,
Благодарность нести за все,
И не думать, что будет потом.



Николай Ершов

г.Новомичуринск Рязанской обл.

ПТИЦЫ

А. Калантаевой

Я явился сюда, как грабитель.
Я пришел отпустить этих птиц.
Крепко спит возле входа смотритель,
Он устал от мелькания лиц.

Им сегодня здесь что-то простилось.
Дверцы клеток тихонько звенят.
Я дарю им последнюю милость
И спиной ошущаю твой взгляд.

Что их ждет? Разноцветные крылья...
Улетают невольники прочь,
Но не в летнего дня изобилье,
А в безмолвную синюю ночь.

Сквозь стекло на тебя виновато
Я смотрю. Все летит, как в кино...
Это все с нами было когда-то,
Или будет. Понять не дано.

Сергей Журавлев

г. Балашиха Московской обл.

ЛУЧИК СОЛНЦА

Дождик плакать перестал,
Лучик солнца засиял,
По равнине, по горам,
По ухабистым местам.
Работы много у него,
Неотложных дел полно.
Он подсушит грязь и лужи,
И не будет больше стужи.
Исцелит он все недуги
От холодной зимней выюги.
Озарит он светом ярким
Исцеляющим и жарким,
Все укромные места
И быстрее придёт весна.
Работы много у него
Неотложных дел полно...



Алла Зенина

АЛЬТАИР

Получила журнал «Луч Фомальгаута» со статьей Иры Поздняковой «Зачем мы полезли на крышу». Начала читать — и память сразу отреагировала...

С раннего детства мои глаза устремлены к Небу. Возможно, этому способствовал факт рождения в сельской местности, в поселке с красивой названием Зимовники, в котором и живу всю жизнь, не считая временных отъездов. Ничто не застит неба — ни многоэтажек, ни многочисленных, как в городе, фонарей — степь.

Летом спали под открытым небом: настил из досок, на нем — матрац или ватное одеяло, подушка и легкое одеяло. Ложилась едва стемнеет, смотрела, как надо мной, словно по волшебству, один за другим вспыхивали светлячки звезд. И почему-то хотелось петь. Благо, песни со мной — с пеленок. Это характерно русская черта: поющие семьи.

Где-то лет в девять завела общую тетрадку, записывала в нее песни, но

уже не народные, а эстрадные. Такие тетрадки были у моих подружек. Лет в двенадцать в тетради одной из подружек увидела песню «Альтаир». Точнее, просто стихи, ибо мотива и она не знала, тоже откуда-то списала. И тогда это стихотворение само зазвучало в моей душе, стала напевать его на возникшую мелодию.

Со временем так и не удалось услышать «Альтаир» в композиторском варианте. Песня осталась как бымойей. Вот припев и последние два куплета.

*Как высок, как далёк
Путь к созвездию Орла!
Если б ты, Альтаир,
К нам поближе была!
Не молчи, дай сигнал,
Что слова ждёшь мои.
Целый век буду петь
Для тебя, Альтаир.*

*Может быть, песни звёзд
Доплывут к нам в эфир, —
Засветись для меня
Ярче всех, Альтаир!*

Часто на деревянном настиле располагались компанией: двоюродные сестренки Таня и Света, друг-сосед Толька, присоединялся, бывает, и мой старший брат Володя. Хор получался внушительный.

Родители, уставшие за день, гасили наш певческий энтузиазм. Тогда мы играли в звезды. Выискивали постоянные скопления звезд, объясняли, какой формы, на что похожи очертания, и присваивали себе «открытия».

Видели летящие «звездочки» спутников, с восторгом следили, как огонек пересекает из конца в конец небо. И конечно же, мечтали, воображали себя космонавтами, первооткрывателями новых планет с собратьями по Разуму.

В полнолуние любовались загадочным шаром, на котором отчетливо проявлялись причудливые темноватые узоры, то исчезали, и Луна изменяла оттенки света.

Один раз (я уже была студенткой) эта родная сестрица Земли вызвала у меня испуг. Не спалось. На исходе короткой июльской ночи вышла на крыльцо и пережила настоящий шок: прямо на уровне глаз передо мной висел огромный красный шар. Казалось, он опустился на верхушку высокой старой ивы, ибо верхние ее ветки как бы отпечатались на поверхности круга. Тогда даже мысль пронзила, что вот и сбывается предсказание о конце света, которым нас время от времени пугают. Сейчас этот красный демон рухнет, и Земля

взорвется! Сообразив, что к чему — рассмеялась.

Ира под «крышей» имела в виду посещение обсерватории. А мы в детстве в прямом смысле лазили на крыши: позагорать, поиграть «в облака».

Замечательное зрелище — плывущие облака! Можно сказать, они — естественная мультипликация природы, или — текучая скульптура. Такая игра развивает наблюдательность, фантазию. Рассказывали друг другу, кто и что видит в очертаниях облаков.

А еще с крыши так здорово пускать мыльные пузыри! Растворяли кусочек хозяйственного мыла во флаконе с водой, находили подходящие соломинки или скручивали из бумаги трубочки. И сами творили тысячи воздушных радуг, отправляя их в полет. Соревновались, у кого больше, красивей получится пузырь, дольше продержится, выше взлетит.

И под крышей играли — на чердаках, воображая себя землянами, прилетевшими осваивать дикую, темную планету, едва пригодную для жизни. Когда в слуховое окошко заглядывало солнышко и на чердаке значительно светлело, это было как бынашим достижением, устраивался праздник Света.

Детство... Не знаю, как у других, а по отношению ко мне верно утверждение, что восприятие мира, заложенное в детстве, остается с человеком на всю жизнь.

На крышу уже не взобраться. Да и сельские крыши — не высота по сравнению с городскими балконами. Но взгляд по-прежнему стремится вверх. Особенно летними ночами. В моих стихах много Неба с его удивительным миром. Даже как-то сама собой из стихов сложилась книжечка «Танец в облаках».





Светлана Раткина



В прошлом номере нашего журнала вы уже видели рисунки рязанской художницы Светланы Раткиной. Сейчас мы решили более подробно представить вам ее творчество.

По образованию Светлана – учитель ИЗО (закончила педагогическое училище). Сейчас по специальности не работает, но с творчеством не расстается. В ее картинах, соединивших в себе техники акварели и графики – изящность и легкость, точность линии и гармония цвета. Очень жаль, что на этих репродукциях они черно-белые.



Родилась я в 1966 г. в Глазове, что в Удмуртии. Потом мы переехали в Ижевск, где сейчас и живу. В двухнедельном возрасте мне сделали операцию по удалению спинно-мозговой грыжи, которая, как оказалось, была у меня с рождения. С тех пор я никогда не вставала на ноги...

Сейчас мы живем вдвоем с мамой. Люблю заниматься хозяйством и готовить вместе с мамой что-нибудь вкусненькое, чтобы угощать потом родственников. В доме есть еще кот, хомячок и рыбки. Очень люблю животных – в детстве перечитала, кажется, все книги о природе. Мечтала работать в заповеднике. Или путешествовать – как Кусто.



Анастасия Косова

Читать я начала еще в 4 года; с тех пор с книжками не расстаюсь. Хотя училась я не очень: учителя приходили на дом, и всё, чему я научилась у них – это, пожалуй, считать и писать. А все остальное узнавала сама: читала книжки, учебники младшей сестры, смотрела разные познавательные телепрограммы. Пыталась даже изучать иностранные языки, но без особых успехов.

В общем, я самый обычный человек, как и многие другие, наверное. Как и многие, люблю читать. Люблю музыку – рок, бардовские песни, инструментальную музыку, классику. Немного рисую, вяжу на спицах и крючком. Немного пишу стихи... О чем я мечтаю? Мечтаю научиться чему-то в этой жизни, чтобы я могла согреть тех, кто мне дорог, могла им дать что-то. Мечтаю, чтобы люди стали добрее...



БУМАЖНЫЙ АНГЕЛ

Розовый ангел парит надо мной,
 Добрый привет от далёкого друга.
 Нежная флейта тихонько поёт,
 Прочь отгоняя жестокую вьюгу.
 Розовый ангел, бумажные крылья,
 Хрупкий кусочек прекрасной души!
 Пальцы бумажные флейты коснулись,
 Нежная музыка льётся в тиши.
 Слышу я в музыке голос Вселенной,
 Шёпот далёких мерцающих звёзд...
 Маленький Принц засмеялся чему-то,
 Дождь шелестит в лепестках алых роз...
 Добрый мой друг, он поэт и романтик!
 Так далеко, но как будто со мной.
 Солнечным лучиком, тёплым приветом
 Розовый ангел парит надо мной.

ЗЕРКАЛО

Передо мною зеркало стоит.
 Но что оно скрывает, что таит?
 Что там? Какие чудеса и тайны
 Скрываются за той незримой гранью?

Там комната. Такая, как моя.
 Окно. Картина. Утро. Солнце. Я!
 Такая настоящая, живая,
 Сама себе так странно улыбаюсь.

Я руку подняла — и та, вторая,
 Мой жест своей рукою повторяет!
 Хочу её коснуться, но рука
 Касается холодного стекла...

Невидимая грань, но нет её прочней!
 И всё-таки, ну что же там, за ней?
 Мне говорят: «То оптики явление,
 Лучи, потоки света, преломленье...»

Не понимаю я науку эту,
 А знаю только: в зазеркалье где-то
 Таится мир волшебный и живой,
 И есть девчонка, схожая со мной!

Она, как я, мечтает и живёт,
 И всё глядит назад, а не вперёд,
 И так же любит солнце, чудеса,
 Ей тоже Леший чудится в лесах.

Она слегка рассеянная тоже.
 Ах, как мы с нею, всё-таки, похожи!



ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Тихо так... Деревья спят.
 А вверху гуляет ветер.
 В небесах стрижи кричат.
 Солнце село. Летний вечер.
 Тень сгущается под ивой,
 Копошится, словно ёж.
 Облако махнуло гривой,
 Обещая к ночи дождь.
 Я на всё это люблюсь,
 Глаз не в силах отвести!
 Из красоты такой хочу я
 Чудный сон себе сплести.

* * *

В который раз пришла весна
 И с неба щедро льётся солнце,
 Слепит глаза и топчет снег,
 И громко, весело смеётся!

Устало дремлет старый дом,
 Но солнце в окнах отразится
 И, как разбившийся хрусталь,
 На сотни бликов разлетится...

Вот так, наверно, и любовь,
 Когда душа ей клеткой станет,
 Она её жестоко ранит,
 На сто осколков разбивая
 И гордо в небеса взмывая.

А клетки золотой осколки
 Как блики солнца, как иголки,
 Летят к нам в окна и в глаза,
 Их обжигая, как слеза.

И кто-то скажет недовольно,
 Когда глазам вдруг станет больно:
 «Как ярко нынче солнце светит...»
 Но лишь весна ему ответит
 Волненьем трепетным в крови
 И тихой песней о любви.

И вновь на наших страницах — непридуманные истории из жизни двух людей. Истории обычные и в чем-то очень типичные. Такое может случиться с каждым. Тысячи и тысячи людей проходят через это. Но многим ли дано принять все с достоинством? Многие ли из нас задумывались о том, что все нам дано не напрасно — счастье взаимности и боль безответной любви, горечь расставания и радость сохраненной дружбы?

Прочтите эти рассказы, прежде чем закрыть последние страницы этого номера. Подумайте: а не зовут ли и вас за собой дельфины? И не видна ли вдалеке другая дорога?

Инна Кочетова



УПЛЫВАЮЩИЕ ДЕЛЬФИНЫ

С тех пор, как они расстались, ей каждую ночь снится один и тот же сон...

Она стоит на берегу моря и, улыбаясь, смотрит на резвящихся вдали дельфинов. Под ногами — горячий песок, над головой — голубое небо и яркое солнце. И душа наполняется необъяснимым чувством свободы и полета, от которого хочется громко кричать и прыгать, словно в детстве. Она

раскрывает объятия и бежит навстречу дельфинам, по теплым пенистым волнам... Но внезапно понимает, что они уже уплыли, унося на своих серебристых гладких спинах ее неожиданную и такую хрупкую радость.

И душа снова наполняется чувством, но только уже не свободы, а щемящей всепоглощающей грусти. И ощущением чего-то утерянного для нее безвозвратно... Она плачет во сне. И снова просыпается в слезах.

Потом долго лежит в темноте, пытаясь успокоиться и прийти в себя

под мерное тиканье часов, которые твердят ей одно и то же: «Кончился сон, кончился».

Она и сама понимает это. Понимает, что на смену этому сну к ней снова пришла бессонница, с которой ей придется теперь делить остаток ночи...

Она щелкает кнопкой ночника и поднимается с кровати. Берет с книжной полки фотоальбом и, вернувшись обратно в кровать, начинает, наверное, уже в сотый раз путешествовать по его знакомым до боли страницам...

Вот она вместе с Ним, любимым, смеющаяся и счастливая. Он крепко обнимает ее за плечи и смотрит нежным, влюбленным взглядом. И такими фотографиями заполнен весь ее альбом. «Почему? Почему получилось именно так? Ведь как хорошо все начиналось...»

Они познакомились в один из жарких июльских дней, совершенно случайно. Тогдашний председатель Общества инвалидов (только начинавшего образовываться в районе) привез ей приглашение на Всероссийский фестиваль, в Великий Новгород. От него она и узнала о человеке, который впоследствии стал для нее всем: ее любовью, опорой, утешением и самой жизнью.

Но случилось это немного позже. А пока они только начинали узнавать друг друга. И чем больше общались, тем ближе и крепче становилась их дружба.

Подруги и родные твердили ей в один голос, что им все уже давно ПОНЯТНО, и только она одна не хочет замечать очевидных вещей. На все их недвусмысленные намеки она отвечала лишь улыбкой и веселыми шутками, хотя в душе молилась о том, чтобы они оказались правы... Но вскоре жизнь сама все расставила на свои места.

Он предложил ей вместе поехать отдохнуть в санаторий. И если, уезжая из дома, они еще оставались просто друзьями, то по возвращении

обратно оба уже твердо знали, что не могут жить друг без друга. Ей постоянно хотелось видеть его смеющиеся голубые глаза, дотрагиваться до густых светлых волос. А ему все время хотелось слышать ее мягкий голос и залиvistый смех, держать ее руки в своих и любоваться трогательной улыбкой.

Родители догадывались, что за время отдыха их детей произошло нечто такое, о чем они не рассказывают, но что послужило решающим толчком для их окончательного сближения.

И нечто такое действительно произошло, но это оставалось их тайной, одной на двоих...

Теперь каждое утро она встречала с радостной улыбкой на губах, а ее глаза светились счастьем. Ведь впервые за долгое время она почувствовала себя кому-то по-настоящему нужной. И это чувство окрыляло, заставляло сердце биться быстрее, а душу — раскрываться всему самому лучшему, подобно цветку по весне. Да она и сама стала похожа на цветок, потому что отныне она была невестой!

Теперь ей все чаще и чаще стало казаться, что Бог и судьба действительно любят ее. Ведь, несмотря на то, что она обделена физически, присутствие рядом любимого человека, его искренние чувства и трогательная забота помогали ей легче справляться с трудностями. И возможно, впервые в жизни она позволила себе расслабиться и плыть по волнам жизни на новой надежной лодке под названием «Любовь».

Эту лодку они построили вместе, вместе поклялись оберегать ее от житейских бурь и ледяных порывов судьбы. Разве могла она тогда предположить, что эта лодка не выдержит и одного всплеска жизненных штормовых волн? И вмиг разлетится вдребезги, не оставив ни малейшей надежды...

Наверное, так уж устроена человеческая жизнь: Кто-то там, наверху,

дает нам возможность быть счастливыми, но не позволяет расслабиться и строго наблюдает: сумеем ли мы сохранить доверенное нам? Сможем ли не потерять его? Не растратить по мелочам?

Увы, люди не всегда выдерживают это испытание, и часто счастье попросту теряется на «задворках» быта. Люди просто не понимают, что и быт может приносить счастье, — главное, чтобы рядом была Любовь...

Если бы все это они могли понять раньше! Возможно в их жизни что-то сложилось бы иначе. Только им обоим казалось, что они все делают правильно. Лишь какое-то чувство неустрашенности все сильнее стало тревожить их. Неуверенности в завтрашнем дне. И отчаянное беспокойство...

Они начали осознавать, что потеряли свое счастье также внезапно, как и обрели его. И с этим ничего нельзя было поделать. Единственное, в чем она тогда была уверена, — это в том, что по-прежнему любит его. А значит, все у них должно быть хорошо. Но только она еще не знала, что все усилия и надежды одного человека совершенно напрасны, если у другого — прошла любовь...

Они расстались морозным зимним днем на праздник Крещения Господня. На прощанье он ей сказал только одно: «Тыслишком хорошая, слишком добрая. И умом я понимаю, что всегда должен быть с тобой... Но сердце говорит мне обратное...». И все. Ни извинений, ни сожалений по поводу их расставания...

Она плохо помнит дальнейшие события тех дней. Мозг раскаленным гвоздем сверлила одна единственная мысль: «Он больше ее не любит. Жизнь закончена, ибо без его любви эта самая жизнь просто не имеет смысла». Она из последних сил пробовала прислушиваться к стуку своего сердца, но вместо стука слышала в собственной груди лишь тихий плач...

Надо было потихоньку учиться жить заново, без НЕГО. Вновь учить-

ся улыбаться, смеяться. Учиться не впадать в истерику при виде его фотографий в альбоме... Говорят, что время лечит, и наверное, это все-таки правда. Она снова жила, как и прежде. Встречала улыбки друзей, заводила новые знакомства. Вот только до сих пор не научилась засыпать и просыпаться без слез. Она больше не верила в любовь...

Сегодня ночью ей опять снились дельфины. И вновь она сначала радовалась, как ребенок, их появлению, а потом плакала от внезапного расставания с ними. Но сколько же еще они будут уносить на своих спинах ее счастье, любовь и надежду?

А может быть, все совсем наоборот? Может, дельфины каждую ночь возвращают ей долгожданное счастье и радость? Только она этого не замечает. Или не хочет замечать. И потому они уплывают. Но всегда возвращаются вновь — в надежде на то, что когда-нибудь, все-таки, она примет дар, который желает принять всем сердцем...

Дар, именуемый Любовью.



Андрей Казак

ДРУГАЯ ДОРОГА



Из гостей я вышел грустным и растерянным. То, что я хотел очень давно, исполнилось минуту назад, но наполовину. Я, наконец, встретился с человеком, которого хотел увидеть, и мы даже поговорили... С ней у нас всегда были хорошие встречи. Обычно мы вели беседы о чем-то важном, теплом, сокровенном. В последний раз она сказала, что человек — это удивительный, неповторимый цветок, который еще не раскрылся. Мы не договорили, а мне так хотелось узнать о том, что же нужно для того, чтобы он расцвел. Я думал, что получится в этот раз. Но увы, вопреки моему ожиданию, речь у нас пошла совсем о другом. Она пригласила меня к себе для того, чтобы рассказать, как можно заработать деньги... Какой-то новый способ, европейский. Главное — быстрый. Если... повезет. Я растерялся, обмлел и ничего не мог сказать. Глядя на систему, развертывающуюся передо мной на гладкой доске, я одобрительной хмыкал, подтверждая, что все так, все правильно, совсем не вникая в суть дела (все равно ведь европейцы

редко ошибаются в таких делах). А сам с грустью понимал, что мощная, беспощадная денежная система забирает в свои крепкие объятия еще одного моего друга.

«Но что поделать — жизнь, бизнес... надо кормить семью. Трудно устоять», — думал я, легко давая объяснение случившемуся, одиноко и грустно шагая по длинной улице своего города, проходя мимо различных магазинов и торговых центров, ресторанов и казино. И танцующие пестрые огоньки этих странных и бесполезных заведений безразлично смотрели мне вслед, стараясь привлечь к себе совсем других людей...

Но это было не последнее испытание того дня. Впереди меня ожидала интересная и очень важная новость, которое, правда, я пытался обойти, а в результате, как оказалось, попал прямо в самый его разгар. В тот вечер мне нужно было повидаться с еще одной моей знакомой. И, как мне тогда казалось, сделать это я должен

был в последний раз. Так я считал и раньше, и не раз. Однако обстоятельства вновь и вновь убеждали меня в обратном. «Но теперь все совсем иначе, — думал я, уверенный в том, что ничто теперь не сможет убедить меня продолжить встречаться с ней дальше. «Завтра приедет ее мужчина... Сегодня мы посидим с ней, помечтаем, как всегда попьем чайку... А потом я уйду, уйду из ее жизни навсегда». Вот с таким интересным планом я готовился появиться у нее.

Купив ее любимые фрукты и кое-что сладкое к чаю, я запрыгнул на задние ступеньки усталого от тяжелой работы автобуса и, глядя в его запыленное окно, слегка загрустил. Эта грусть, как и толстое стекло послушного транспорта, оградила меня от неизбежной вечерней суеты. Я ушел в свои размышления, которые хоть и были не особо светлыми, но все же куда более приятными, чем состояние улиц города, наполненных в это время спешащими домой людьми.

«Все равно, как бы то ни было, все идет правильно, как и должно было быть. Это самое лучшее окончание нашей маленькой истории из всех возможных», — делал я положительный вывод, слегка подпрыгивая вместе с автобусом на многочисленных кочках старой дороги. «Я ведь старался... я старался ей дать все самое хорошее, что было во мне. Жаль только, что этого оказалось не так много. Зато как тепло мы относились друг другу, сколько всего доброго случилось с нами за последнее недолгое время!» — продолжал размышлять я, ступая по безлюдному пространству двора, мысленно окунаясь в то доброе, которое действительно было в недавнем прошлом и которое очень не хотелось терять. Старый хорошо знакомый подъезд, как и много раз до этого, встретил меня темнотой и многообразием ароматов, несущихся с кухонь квартир, оживших с возвращением в них хозяев. «А раз все было хорошо, надо постараться, чтобы все закончилось так же», — застыв у порога ее квартиры, настраивал я себя, памятуя о том, что в самом конце какой-то истории часто происходят неприятности. Подождав еще несколько мгновений, я произнес слова, которые обычно проговаривал прежде, чем предстать пред дорогим человеком, — и с

крепким, уверенным желанием поставить сегодня светлую точку, негромко постучал в дверь.

В тишине послышались неторопливые шаги. Щелкнул замок. Дверь открыла она. Легкая волна волнения, тихой радости и горькой грусти промчалась по всему телу. Она приветливо улыбнулась и пригласила пройти. Я перешагнул порог ее квартиры, попадая в атмосферу его порядка, тепла и уюта. Все мои раздумья и мысли, обильно царившие мною совсем недавно, мгновенно растаяли, безропотно отдавая меня во власть наплывающим чувствам.

Я вручил ей сумки со всеми своими гостинцами. А она вручила их тому, который появился совершенно неожиданно для меня из другой комнаты. У него получилось приехать на день раньше. Пока мы дружески жали друг другу руки и обменивались обычными вопросами и ответами, она принялась снимать с меня верхнюю одежду, которую потом он повесил на вешалку. По ее предложению мы с ней устроились на диване, а он продолжил возиться с содержимым сумок.

Заметив мое невеселое настроение, она шутливо спросила:

— А почему ты такой грустный, умираешь что ли?

— Пока нет, пока не получается.

— И правильно, и не нужно, чтобы получалось. Тогда почему же?

— Да так... был сегодня у одной хорошей знакомой, друга, так скажем. Все вроде бы хорошо — повидались, поговорили. Только все не о том и не так...

— Как ты бы хотел?

— Как это обычно бывало раньше. Мы всегда общались с ней очень тепло, говорили о жизни, о ее радостях и трудностях. По-человечески, так сказать. А сейчас она шагнула в огромную страну бизнеса и предлагала мне сделать то же самое. И сразу расстояние между нами... Общение через голову без души и сердца, как будто это что-то ненужное в этом мире... Рассказала о системе, по которой зарабатываются большие деньги, о процентах, надбавках и прочих подобных элементах — эх, чуть душа не замерзла. Вот так идешь-идешь с человеком по одной дороге дружно, помогая друг другу, доверяя свои мечты, желания, а на

какой-нибудь развилки расходишься по разным тропкам, как чужие.

— Но ведь у каждого своя дорога в этой жизни.

— Да, конечно. Только грустно не оттого, что дороги разошлись, а оттого, что, похоже, недалеко то время, когда не с кем будет по душам поговорить. Ее теперь совсем другие разговоры интересуют, другие темы.

— Ничего. Ты все равно не умирай.

— Ладно, все равно не буду. У меня ведь своя дорога есть...

Между тем, как мы обменивались фразами, Дима начал активно накрывать на стол. Когда он отправился в очередной раз на кухню, я негромко ее спросил:

— Может, мне уйти? — памятуя о том, что любимым хочется побыть вдвоем, после долгой разлуки. На что она, как это часто бывало, состряпала кислую физиономию, давая понять, чтобы я выкинул эту мысль из головы.

— Сейчас будем ужинать, — сказала она и пошла Диме на помощь, а я остался на месте наблюдать за тем, как они хлопочут.

Подсказывая и помогая друг другу, смеясь и подшучивая, у них получилось достаточно быстро справиться со своей задачей. За ними было очень приятно наблюдать, поскольку любящие друг друга люди всегда смотрятся привлекательно. Только с каждой минутой делать мне это становилось все трудней: что-то очень мрачное, тяжелое наполняло мое сердце и больно его зацарапало. А в этом состоянии мне очень сложно было сделать что-то хорошее, для чего я, собственно, и пришел в этот дом. Внутри царил разделенный на два «я», на два лагеря, на два мира. И рядом со светлой, узкой и маленькой дорожкой, по которой я хотел пройти сегодня хотя бы несколько шагов, мгновенно выросла и пролегла темная, широкая дорога, привлекающая к себе своим удобством, понятностью и легкостью прохождения. И с каждым мгновением она ширилась и росла, возвышаясь и заслоняя собой светлую. Я стоял как будто у самого их начала, как перед выбором: по какой шагнуть. Зная о горьких плодах, неизменно ожидающих тех, кто идет по широкой и легкой дороге, я старался сделать шаг по маленькой

и светлой, пусть и не совсем знакомой. И, может быть, поэтому я еще сидел и улыбался...

За столом они сидели рядом, даря внимание и заботу друг другу. И большая часть этого внимания и заботы доставалась и мне. «Потому что те, кто любят, думают не только о себе», — мелькнула добрая мысль у меня в голове, хотя внутри царил совсем другое настроение. Однако я все равно еще продолжал сидеть и улыбаться. И даже был в состоянии поддержать завязавшийся разговор. Вот только по его завершению я почувствовал, как трудно стало у меня на душе, что исчез образ моей светлой дороги, которую полностью затмила темная, и я уже мчусь по ней, будто в пропасть, наполняясь болью и негодованием. Испугавшись того, что может за этим последовать, я принялся торопливо собираться, тем более, что пришло тому время. А когда я уже оделся и был готов уйти, вдруг услышал:

— Приходи завтра вечером, вместе пойдем погуляем, — сказала она к моему большому удивлению.

— Хорошо — солгал я, уверенный в том, что новой встречи уже не будет...

Оказавшись один на один с самим собой, я все больше и больше уходил в свои переживания, все сильнее и сильнее завладевало моим сознанием случившееся, — ситуация, в которую попадали многие люди во все времена независимо от своего положения в обществе и образования. И, оказываясь в ней, одни показывали Господу Богу кулаки, обвиняя Его в том, что Он придумал жестокую любовь. Другие бросали на пол перчатку и вызывали соперника на дуэль, готовые перевернуть вверх дном весь мир. В отличие от этих гордых, горячих людей у меня не было такого желания. Я не хотел стоять между любящими друг друга и препятствовать их любви даже в своих мыслях.

Однако у меня не получалось этого сделать. Какая-то огромная сила внутри тянула меня повести себя совсем не так, как желало мое сердце, а по-другому, как это делали миллионы людей как при царе Горохе, так и в наступившем уже третьем тысячелетии. Эта сила сдавли-

вала и обжигала грудь, заставляя меня обвинить в ощущаемой мною боли весь мир за его несправедливость ко мне, за то, что мои мечты не исполнились, за то, что счастье досталось не мне, а другим! Страх и отчаяние тронули мою душу. А затем неожиданно в мое кипящее сознание ворвались слова одной песни, что преследовала мои уши уже больше года, в которой один очень пылкий человек готов был за темную ночь с некой особой продать дьяволу свою душу. И что-то сидящее внутри тянуло меня встать в один ряд с этим потерявшим голову человеком и провозгласить нечто подобное. И лишь одна мысль, одно понимание того, что все это некрасиво и неправильно, встало против всей этой огромной черной взбунтовавшейся армии и тихо говорило мне совсем об иных шагах, которые нужно сделать в этой ситуации. Спокойный, нежный голос негромко говорил о том, что нужно благодарно и смиренно принять все, что случилось, и порадоваться за моих друзей, за то что у них все так хорошо сложилось, что они счастливы и любят друг друга. А чему, как не этому нужно радоваться в этой жизни?! И я, пребывая в неравном сопротивлении, все еще пытался поступить так, как говорил мне этот голос. Но он слабел и гас в беспорядочном шуме слепой и яростной обиды. Я силился не потерять его совсем и продолжал держаться за него, чтоб хотя бы не очень далеко унести по скользкой, темной и очень накатанной старой дороге. Я продолжал бороться и спорить сам с собой.

— Я не приду завтра навстречу, — стучала настойчиво мысль, продиктованная обидой.

— А как же твое обещание? — спокойно спросил другой голос.

— Я его не сдержу. Я дал его случайно. Да разве оно теперь важно для нее? — Оно важно для тебя.

— Возможно. Только не в этой ситуации. Я и так сделал все, что мог. И даже чуточку больше.

— Ты в этом уверен?

— Вроде бы... Но даже если это не так, что еще я должен сделать?

— Пойти дальше.

— Но куда? Зачем? Я знаю, что у людей в таких случаях отношения прекращаются. И я тоже не вижу им продолжения. И не хочу...

— Не хочешь пойти дальше и узнать, куда ведет другая дорога?

— А разве она куда-то ведет?

— Конечно.

— Но я не знаю никого, кто бы по ней ходил.

— Да, среди твоих друзей таких пока нет. Но ты бы мог стать первым из них.

— Значит, я первый... Ага! Но ведь для этого, как я понимаю, мне нужно завтра придти на встречу?

— Да.

— И видеть, как они улыбаются, ходят под ручку, как он дарит ей цветы и всячески ухаживает?

— Точно так.

— А если меня опять понесет по старой дороге?

— Тебя пригласят прогуляться опять.

— А если они поженятся?

— Будешь ходить к ним в гости.

— Ага, я — друг, да? И что же в этом хорошего?

— Пойдешь — увидишь — узнаешь...

Тут я хмыкнул самому себе. Мне стало смешно от своего необычного безвыходного положения. Ведь в этот момент я понял, что как бы мне сейчас не было больно, как быя сейчас не капризничал, завтра я все равно приду на встречу. И нельзя сказать, что в эту минуту во мне выиграло любопытство. Отнюдь. Просто я ведь тоже хочу видеть ее так же, как он. И пусть завтра вновь мне придется пережить то же, что я пережил сегодня, пусть будет больно и горячо — и завтра, и после, и после-после завтра. Пусть! В конце концов, я же знаю, что я не прав, я не правильно отношусь ко всему этому. И мне от этого не отвертеться. Надо идти... И кто знает, может, мне все же удастся шагнуть по-другому пути, свернуть на другую дорогу, по которой так редко стали ходить люди в последнее время. По новой незнакомой мне дороге дружбы. Быть может, она не такая уж страшная, как кажется сейчас. Пойду — посмотрю — узнаю, какая она, эта иная дорога. А потом расскажу другим.

Луч Ромальяута

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛДОВ

№5 2006

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЖИВОЙ РАЗГОВОР

Быть равнодушным — некрасиво 2

ПОЧТА ЖУРНАЛА 5,11

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

А светлячка мы все-таки поймаем! 6

Вместе нам многое по плечу 12

МИГ ПОЭЗИИ

Инна Кочетова 16

Сергей Петаш 40

Анастасия Косова 60

МОЙ ПУТЬ

Счастливый ремесленник 18

Хочу, чтобы было завтра 20

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Незаметный талант 28

УРОКИ ЖИЗНИ

Долгожданный звонок 32

Уплывающие дельфины 62

Другая дорога 65

НАША БИБЛИОТЕКА

37

ГРАНИ ПРЕКРАСНОГО

Игра с закрытыми глазами 42

ПРОЗА

Когда уходишь ты 47

МОЗАИКА

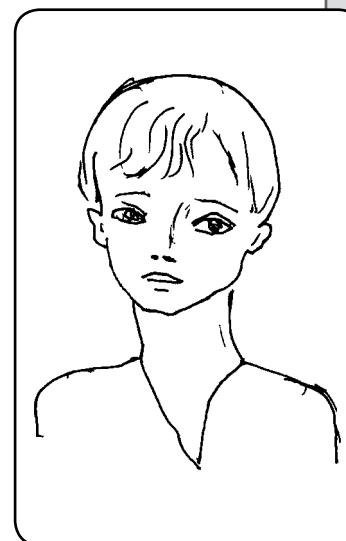
54

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Альтаир 56

НАШ ВЕРНИСАЖ

Светлана Раткина 58



Номер отпечатан в ООО НПЦ «Информационные технологии», г.Рязань, ул.Островского, 21/1. Тел.: (0912) 98-69-84. Тираж: 600 экз.

Фомальгаут – звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звезд неба! Увидеть ее во всем блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет от нас ее истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, да и просто – о любом человеке, не нужно совершать далекого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу – и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.

